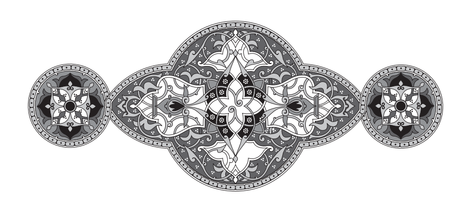

ИСЛАМ НА РАСПУТЬЕ

Мухаммад Асад

Фонд «ВАКФ» 2007

Мухаммад Асад

ИСЛАМ НА РАСПУТЬЕ
(Islam at the Crossroads)

Перевод с английского

Литературно-художественное издание

ISBN ____________________

Оригинал-макет и верстка С. Абдукахаров

Мухаммад Асад.

Ислам на распутье (Islam at the Crossroads) / Перевод с арабского. М.: Фонд «ВАКФ», 2007. — 104 с.

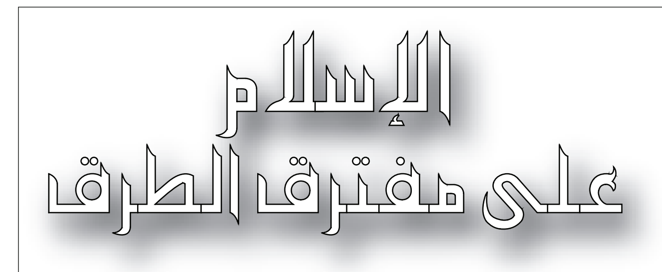
ISBN ________

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с разрешения издателя.

ISBN __________

© Фонд «ВАКФ», 2007

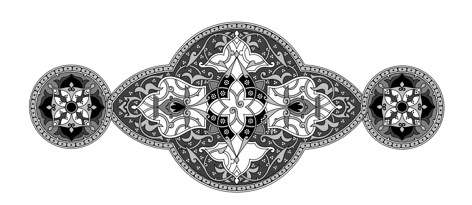

الإسلام على مفترق الطرق

تأليف
الدكتور محمد أسد

باللغة الروسية

الطبعة الأولى

مؤسسة الوقف - ١٤٢٨ هـ

Об авторе

Мухаммад Асад

Его прежнее имя Леопольд Вейсс (Leopold Weiss). Австриец по происхождению, родился в провинции Галиция (Galicia) в семье известного еврейского адвоката. Будучи старейшиной одной из наиболее уважаемых раввинских династий его дед желал, чтобы он стал раввином и начал обучать его. Но после окончания университета в Вене занялся журналистикой. В течение ряда лет он работал специальным корреспондентом нескольких крупных европейских газет. Потом отправился в Иерусалим по приглашению своего дяди. И с этим путешествием началось его открытие для себя Ислама и Исламского мира. Сначала как гость, потом как журналист и в конце уже принятием Ислама в Аравийском полуострове в 1926 году. И отсюда взяла свое начало эпопея соединения одного из выдающихся умов двадцатого века с Исламом. Мухаммад Асад записал события этой эпопеи в своей книге "Путь в Мекку" (издано в 1953 г.), которая считается, как говорят некоторые критики, одним из самых лучших литературных и идейных работ, которыми наделил прошедший век.

После принятия Ислама Мухаммад Асад провел пять лет в Лучезарной Медине и встречался с разными мусульманскими народами во время хаджа. Потом переехал в Индию, где встретился с выдающимся ученым Мухаммадом Икбалем, который убедил его остаться в Индии, чтобы помочь ему в развитии исламского возрождения в этой стране и плана создания государства Пакистан.

После войны и создания Пакистанского государства переехал в это новое государство и получил его гражданство. Затем стал руководителем отделения Ближнего Востока при Министерстве Иностранных Дел, а потом стал постоянным представителем Пакистана в ООН в Нью-Йорке. В 1953 г., после того, как убедился, что новое государство

встало на ноги, подал в отставку. А после нескольких лет, которые он провел в Швейцарии, переехал в Танжер (Марокко), где продолжил свою авторскую и издательскую деятельность, выражая свои позиции к мировым событиям. Но он все время ждал ожидаемого обновления внутри Исламского Мира, так и не став свидетелем этого.

Из его работ можно отметить книгу "Ислам на распутье", которая была издана в 1934 г. и получила широкую популярность. Так же толкование Священного Корана, перевод на английский язык смыслов Корана и сборника хадисов "Сахих Аль-Бухари". Но самой влиятельной его работой является книга "Путь в Мекку".

А в 1964 году он взялся за самый огромный проект своей жизни, и это – проект перевода смыслов Корана, на что он потратил семнадцать лет. И результатом этого было появление одного из значимых переводов смыслов Корана на английский язык. Также он написал книгу "Основы государства в Исламе" (1974 г.) и "Этот наш шариат" (1987 г.), которые обе охватывают теорию правления в Исламе.

Мухаммад Асад скончался в 1992 году в Гранаде в Испании.

От автора

С именем Аллаха Милостивого, Милосердного

Эта книга была написана более полувека назад, осенью 1933-го года, и опубликована впервые в Дели, а затем в Лахоре. В ней я хотел предостеречь современных мусульман от слепого подражания западным ценностям и стандартам и призвать их, напротив, беречь свое исламское наследие, из которого уже однажды вырос такой феномен как «мусульманская цивилизация».

Это было мое первое исследование, касавшееся узко исламской проблематики. Оно вызвало незамедлительную реакцию в среде англо-говорящих мусульман, тогда еще не разделенной Индии и было многократно переиздано. Через несколько лет книга была переведена на арабский язык и в таком виде оказала даже большее влияние на образованную часть населения Ближнего Востока, чем ее оригинальная версия. Отзывы на книгу были преимущественно положительные, и это способствовало тому, что вскоре появились произведения и других мусульманских авторов, также развивавших тему *Ислама на Распутье*. Каждый подходил к ней согласно своему пониманию вопроса, иногда соглашаясь со мной, но чаще их мнения не совпадали с тем, что я полагал тогда и полагаю сейчас. Моей целью было заставить мусульман понять, что их общество и их культура коренным образом *отличаются* от культуры процветающего западного общества. Одновременно я хотел пробудить в них гордость и желание сохранить свои собственные традиции, с помощью которых они могли бы поддерживать эту свою «отличность» и вновь стать созидателями культуры после того, как несколько веков прошло в состоянии внутренней стагнации и интеллектуальной беспомощности. На протяжении всей книги я подчеркивал слова «пробуждение» и «сохранение» – сохранение тех достижений и ценностей нашего прошлого,

которые все еще актуальны для Ислама как культурообразующего фактора, и пробуждение сущности исламской идеологии в том виде, в каком она была выражена в Священном Коране и Сунне Пророка, да благословит его Аллах и приветствует.

Однако случилось так, что многое из того, к чему я стремился во время написания *Ислама на Перепутье*, было впоследствии превратно понято некоторыми читателями-мусульманами и их лидерами. Они решили, что, призывая к созиданию в сфере культуры, я ратую за возврат социального уклада, существовавшего в прошлом в эпоху мусульманского декаданса. Как я уже говорил, это полностью противоречит моим намерениям.

Справедливости ради не могу не отметить, что некоторое пробуждение имело и имеет место в современном Мусульманском мире. Однако оно связано отнюдь не с оживлением истинных ценностей Корана и Сунны, а с путаницей в умах значительного количества мусульман, которые готовы возродить социальный уклад и образ мышления, имевшие место в Средние века, вместо того чтобы обратиться к идеологии единственных достоверных источников Ислама – Корана и Сунны.

Чтобы попытаться каким-то образом прояснить эту прискорбную неразбериху, которая преобладает сейчас в мусульманском мире, я представляю новую, переработанную редакцию своей книги. Хотелось бы надеяться, что она будет полезна сегодняшней молодежи, не менее чем издание 1934-го года молодым людям того времени, отцам и даже дедам нынешнего поколения. Если в прошлом некоторые превратно поняли мои намерения, то, возможно, сегодняшние молодые мусульмане окажутся способнее, учитывая те события, которые произошли со времени первого появления книги более полувека назад. У них все еще впереди, и пусть эта книга поможет им.

МУХАММАД АСАД
Танжер, 1982 г.

Предисловие

Наша жизнь редко когда была такой бурной, как сегодня. Мы не только сталкиваемся лицом к лицу с огромным количеством проблем, требующих все новых и новых решений, но и сами эти проблемы сильно отличаются от тех, к которым мы привыкли. Во всех странах общество претерпевает фундаментальные изменения. Скорость, с которой это происходит, везде различна, но везде мы наблюдаем активные процессы, не позволяющие остановиться и задуматься.

Мир Ислама не исключение. Здесь старые обычаи и идеи также постепенно отмирают и на их месте возникают новые формы. Куда ведет этот процесс? Как глубоко он зайдет? Как сильно он затронет культуру, которую несет Ислам?

Эта книга не претендует на то, чтобы дать окончательный ответ на все эти вопросы. Учитывая ограниченность рамок, я выбрал в качестве темы для дискуссии только одну из проблем, с которой сталкиваются сейчас мусульмане, а именно позицию, которой они должны придерживаться по отношению к Западной цивилизации. Однако отзывы, которые я получил, заставили меня расширить исследование и захватить некоторые базовые понятия Ислама, в частности понятие Сунны. Конечно, тема эта настолько обширна, что ей можно было бы посвятить и несколько томов, поэтому в данной работе я коснусь только некоторых ее аспектов. Тем не менее, – а быть может, и благодаря этому, – я уверен, что это краткое описание подвигнет некоторых на дальнейшие размышления над этой крайне важной проблемой.

Теперь расскажу о себе, поскольку мусульмане имеют право, разговаривая с новообращенным, знать, как и почему тот принял Ислам.

В 1922-ом году я покинул свою родину Австрию и отправился путешествовать по Африке и Азии в качестве специального корреспондента одной из ведущих газет континента. С тех пор почти все свое время я проводил на мусульманском востоке. Мой интерес к народам, с которыми мне пришлось столкнуться, был в начале лишь интересом наблюдателя со стороны. Я увидел перед собой общественное устройство и образ жизни, абсолютно отличные от европейских. С самого начала мне было симпатично более спокойное, и я бы сказал, более человечное, отношение к жизни по сравнению со стремительным и машиноподобным ритмом жизни в Европе. Симпатия постепенно привела меня к вскрытию *причин* такого различия, и я начал интересоваться религиозным учением мусульман. По правде говоря, в то время мой интерес был еще не настолько большим, чтобы привести меня в лоно Ислама, но благодаря ему я познакомился с новым для меня типом прогрессивного человеческого сообщества, в котором минимум внутренних конфликтов и максимум чувства настоящего братства. Тем не менее, в реальности жизнь мусульман в наши дни оказалась очень далека от того идеала, который описан в религиозном учении Ислама. Потенциальный прогресс и развитие превратились в праздность и застой, доброта и жертвенность – в невежество и стремление к легкой жизни.

Взбудораженный этим открытием и сбитый с толку очевидным несоответствием между тем, что было когда-то, и тем, что есть сейчас, я попытался подойти к этой проблеме как можно ближе: я попытался представить себя *внутри* Ислама. Интеллектуальный эксперимент был чистым и уже совсем скоро позволил мне сделать правильные выводы. Я понял, что единственная причина социального и культурного упадка мусульман заключается в том, что в душе они постепенно перестали следовать учению Ислама. Ислам продолжал жить, но лишь как бездушное тело. То же самое, что когда-то сделало возможным расцвет Мусульманского мира, теперь стало причиной его слабости. Мусульманское общество с самого начала было построено исключительно на религиозном фундаменте; слабость этого фундамента неиз-

бежно должна привести к деформации всей конструкции, а возможно, и к полному ее исчезновению.

И чем больше я понимал, как конкретно и чрезвычайно практично то, чему учит Ислам, тем сильнее я вопрошал себя, *почему же* мусульмане отказались от воплощения всего этого в реальной жизни. Я обсуждал этот вопрос со многими думающими мусульманами почти во всех странах, расположенных на пространстве между Ливийской пустыней и Памиром, между Босфором и Аравийским морем. Я был одержим навязчивой идеей, которая отодвигала на второй план все мои прочие интересы, касающиеся Мусульманского мира. Постепенно дело дошло до того, что я, не мусульманин, разговаривал с мусульманами так, как будто моей обязанностью было защитить Ислам от их невежества и лени. Я сам не осознавал этого, пока однажды, осенью 1925-го года, в горах Афганистана один молодой губернатор провинции не сказал мне: «Но ты и *есть* мусульманин, ты только сам этого не знаешь». Я был поражен его словами и промолчал. Однако по возвращении в Европу я осознал, что при моей позиции единственно логичным для меня будет принятие Ислама.

Таковы *обстоятельства* моего прихода в Ислам. С тех пор меня постоянно спрашивают: «Почему ты принял Ислам? Что именно подтолкнуло тебя к такому шагу?» Я должен признаться, что у меня нет единственного, удовлетворительного ответа на этот вопрос. Меня привлек не *конкретный* аспект учения, а вся его потрясающая, необычайно прозрачная структура, а также практика, которой должен следовать мусульманин в своей повседневной жизни. Я до сих пор не могу сказать, какой из аспектов понравился мне более чем другие. Ислам представляется мне шедевром архитектуры. Все его составляющие гармонично дополняют и поддерживают друг друга, нет ничего лишнего или того, чего бы не хватало; а в результате мы имеем абсолютно сбалансированное и прочное здание. Возможно, именно ощущение, что все в учении и постулатах Ислама находится «на своем месте», и произвело на меня самое сильное впечатление. Кроме этого, должны были быть и другие повли-

явшие на меня вещи, которые сейчас мне уже трудно проанализировать. В конце концов, возникла любовь, а в любви есть многое: желание и одиночество, высокие устремления и недостатки, сила и слабость. Так это было и в моем случае. Ислам ворвался ко мне подобно разбойнику, который проникает ночью в дом, но, в отличие от разбойника, он ворвался, принеся с собой добро.

С тех пор я всеми силами старался узнать как можно больше об Исламе. Я изучал Коран и Предания о Пророке. Я выучил язык Ислама и его историю, а также прочел большую часть написанного о нем и против него. Около шести лет я провел в Хиджазе и Неджде, большей частью в Мекке и Медине, чтобы своими глазами увидеть места, в которых Пророк арабов проповедовал свою религию. Поскольку в Хиджаз съезжаются мусульмане из разных стран, у меня была возможность сравнить между собой большинство из религиозных и общественных точек зрения, которые преобладают в Мусульманском мире в наши дни. Это сравнение и мои исследования убедили меня в том, что Ислам как духовный и социальный феномен, несмотря на все препятствия, вызванные несовершенством современных мусульман, все еще является величайшей движущей силой человечества, которая когда-либо существовала. Отныне все мои усилия сосредоточены на том, чтобы его возродить.

Лежащая перед вами небольшая книга – мой скромный вклад на пути к этой великой цели. Она не претендует на беспристрастность. Это мое видение проблемы противостояния Ислама и Западной цивилизации. Эта книга написана не для тех, для кого Ислам – всего лишь один из многих, более или менее полезных атрибутов жизни современного общества. Она предназначена для тех, чьи сердца все еще горят огнем, зажженным Пророком в сердцах своих сподвижников, – огнем, который однажды уже сделал Ислам высшим достижением культуры и социального порядка.

М. А.

Дели, март 1934.

Открытая дорога Ислама

Один из наиболее характерных для нашего времени лозунгов – «завоевание пространства». Средства коммуникации достигли такого уровня, о котором предшествующие поколения и мечтать не могли. Благодаря этим средствам стали возможны гораздо более быстрые перемещения на большие расстояния, нежели когда-либо в истории человечества. В результате народы стали зависеть друг от друга. Ни одна нация сегодня не может держаться в стороне от остального мира. Экономическое развитие больше не носит локального характера. Оно стало всемирным. Оно все больше и больше игнорирует политические границы и географические расстояния. Помимо материальной стороны проблемы, то есть постоянно расширяющегося обмена товарами, растет и необходимость обмена идеями и культурными ценностями. Однако, несмотря на то, что оба этих процесса часто протекают параллельно, характер их протекания различен. Элементарные законы экономики предполагают *взаимный характер* обмена товарами между сторонами. Иными словами, ни одна нация не может выступать только как покупатель или только как продавец. Обе стороны должны одновременно выступать и в той, и в другой роли, либо напрямую либо через посредство третьей стороны.

Что касается культур, то это железное правило здесь работает не всегда, по крайней мере, не всегда это очевидно. Другими словами, передача идей и культурное влияние не обязательно основываются на принципе «один дает - другой берет». Народы и цивилизации с более развитой политической системой и экономикой неизбежно оказывают влияние на более слабые или менее активные сообщества, в том числе на их социальный уклад и мышление, не подвергаясь при этом влиянию сами. Этот процесс заложен в са-

мой человеческой природе, и именно таковы сегодня отношения между Западным и Мусульманским мирами.[1]

С точки зрения историка, сильное одностороннее влияние, которое Западная цивилизация оказывает на мусульманский мир – не важно, согласятся ли с этим сами мусульмане или нет, – не вызывает удивления, поскольку является следствием длительного исторического процесса, аналогичные которому уже имели место в прошлом. Однако, если историку достаточно того, что он нарисовал себе картину происходящего, то перед нами, мусульманами, в этот момент встает проблема, которую еще только предстоит решить. Мы не посторонние наблюдатели, а реальные действующие лица драмы. Мы считаем себя последователями Пророка Мухаммада. Мы верим, что Ислам, в отличие от прочих религий, это не просто духовное мировоззрение, которое можно вставить в те или иные культурные рамки, но и основа, достаточная для формирования самостоятельной культуры и определенного социального уклада. Когда чужая цивилизация проникает внутрь нас и вызывает определенные изменения в организме нашей собственной культуры, мы обязаны четко понимать, находится ли это чужеродное влияние в пределах наших собственных культурных возможностей или противоречит им, станет ли оно живительной сывороткой для исламской культуры или же ядом.

Ответ на этот вопрос можно получить, только подвергнув ситуацию тщательному анализу. Мы должны вскрыть мотивы обеих цивилизаций – Исламской и Западной, – а затем понять, насколько они в состоянии взаимодействовать. Поскольку Исламская цивилизация базируется на ре-

---

[1] Идея «купли-продажи» применительно к культуре, а также негативной роли в этом процессе современного Мусульманского мира позднее была развита выдающимся алжирским писателем Маликом бен Наби. Он сделал акцент на упомянутом впервые в этой книге факте, что, утратив свою былую способность созидать, мусульмане стали не только всецело зависеть от западной продукции, но превратились также в «покупателей» западных технологий, организационных методов, социальных и политических понятий. При этом они ничего не «продают» взамен, иными словами не посылают Западу никаких положительных импульсов в ответ.

лигии, первое, что мы должны сделать, это попытаться определить роль религии в жизни человека.

То, что мы называем «религиозным мировоззрением», является естественным результатом интеллектуальной и биологической жизнедеятельности человека. Человек не в состоянии разгадать тайну жизни, тайну рождения и смерти, бесконечности и вечности. Его разум натыкается на непреодолимую преграду, сосуществовать с которой можно только двумя способами. Во-первых, он может прекратить все попытки познать жизнь как таковую и опираться только на данные, полученные эмпирическим путем. Выводы, которые делаются на основании таких данных, не могут носить характер абсолюта. Человек, таким образом, получает способность осмыслить отдельные жизненные события. Количество таких событий и ясность их осмысления растут по мере расширения человеческого познания природы. Однако, как бы далеко не зашло человеческое познание, оно все равно будет фрагментарным, в то время как целое будет ускользать от него. По такому пути идут естественные науки.

Второй путь, – который абсолютно не противоречит научному, – это путь религиозный. Посредством внутреннего, по большей части интуитивного, опыта человек приходит к универсальному представлению о жизни, которое предполагает существование некой высшей Созидающей Силы, управляющей Вселенной согласно определенному плану, которого человеку знать не дано. Как только что было сказано, подобная концепция не отрицает возможность исследования человеком внешних проявлений жизни. Нет никакого *коренного* противоречия между внешним (научным) и внутренним (религиозным) подходами. На самом деле, религиозный подход – это теоретически единственная возможность познать жизнь как гармонию видимого мира и его движущей силы. Термин «гармония», часто понимаемый неправильно, здесь принципиально важен, поскольку предполагает соответствующее состояние самого человека. Религиозный человек знает, что все, что бы с ним или внутри него ни происходило, ни в коем случае не результат слепо-

го жребия судьбы. Он верит, что все подчинено сознательной воле Аллаха, и более того, органически вписано в общий план.

Наблюдая за объективным миром фактов и явлений, который зовется природой, человек обнаруживает в нем то, что противоречит его внутреннему Я. Со всем своим сложным душевным механизмом, со всеми своими желаниями и страхами, эмоциями и часто неуверенностью в себе, он оказывается лицом к лицу с Природой, где доброта и жестокость, опасность и спокойствие переплетены таким причудливым образом, что не поддаются никаким законам человеческой логики. Ни философии чистого разума, ни экспериментальной науке не удалось разрешить этот конфликт, и тогда на первый план вышла религия.

С точки зрения религии, человек и молчаливая и, как кажется, иррациональная природа находятся в отношениях полной духовной гармонии, потому что и индивидуальное сознание человека, и природа вокруг него и внутри него считаются ни чем иным, как различными проявлениями воли Создателя. Таким образом, огромное преимущество религии для человека заключается в возможности осознать себя тщательно продуманной и неотъемлемой частичкой абстрактного вселенского организма, в котором постоянно идет процесс созидания. В результате такого осознания в человеке вырабатывается чувство психологического комфорта – этого баланса между надеждой и страхом, который отличает позитивно настроенного религиозного человека, вне зависимости от конфессии, от человека неверующего.

Этот тезис выдвигают все крупнейшие религии, как бы ни различались их доктрины. Объединяющим является также призыв к человеку подчинить себя проявлениям Воли Божьей. Однако только Ислам не ограничивается теоретическими выкладками и призывами. Он не просто учит нас, что в жизни все на самом деле взаимосвязано и едино, поскольку исходит от Единого Божества, но и подсказывает нам, как каждый из нас в пределах своих способностей может на практике воплотить эту идею единства на бытовом

уровне и на уровне сознания в своей земной жизни. Ради достижения этой высшей цели жизни, согласно Исламу, вовсе не обязательно отрекаться от мира; не требуется аскетизма, чтобы встать на путь духовного очищения. Ислам не навязывает человеку непонятные ему догмы якобы ради его спасения. Подобные требования чужды Исламу, потому что он не является ни мистическим учением, ни философским. Это просто жизненная программа, находящаяся в полном согласии с «законами природы», которые Аллах установил для Своих творений. Ее высшая цель – это достижение полного соответствия между духовным и физическим аспектами человеческого бытия. Согласно учению Ислама, оба этих аспекта настолько «взаимосвязаны» между собой, что никакого конфликта между телом человека и его душой в принципе быть не должно. Более того, их сосуществование и неотделимость друг от друга – это *неотъемлемая* и естественная основа жизни.

Я уверен, что этим можно в частности объяснить специфику мусульманской молитвы, во время которой духовная концентрация сочетается с определенными движениями тела. Критики, недолюбливающие Ислам, часто приводят мусульманскую молитву в качестве доказательства утверждения о том, что Ислам – это религия формализма. Представители иных конфессий, которые привыкли четко разделять «духовное» и «телесное», подобно тому, как на молочной фабрике отделяют сливки от молока, действительно, не способны понять, как эти компоненты, при различной их консистенции, могут гармонично сосуществовать в Исламе на одном уровне. Мусульманская молитва состоит одновременно *и* из мысленной концентрации *и* из телодвижений, во-первых, потому что то же самое происходит и в жизни, а во-вторых, потому что мы обязаны на пути к Аллаху использовать *все* средства, которыми Он нас одарил.

Другим примером такого подхода служит институт *тавафа*, церемонии хождения вокруг Каабы в Мекке. Поскольку каждый, кто входит в Священный город, обязан семь раз обежать вокруг Каабы, а наблюдение за тем, как выполняют это предписание – это один из трех неотъемле-

мых пунктов паломничества в Мекку, мы вправе спросить себя: что все это значит? Неужели необходимо выражать свою преданность таким формальным способом?

Ответ очевиден. Двигаясь вокруг какого-либо объекта, вы тем самым обозначаете этот объект как центральную точку своего акта. Кааба, к которой мусульмане обращаются лицом во время молитвы, символизирует Единство Бога. Физическое движение паломника во время *тавафа* символизирует жизненную активность человека. Соответственно, *таваф* свидетельствует о том, что наши мысли, а также вся наша жизнь, наши поступки и стремления сосредоточены вокруг Аллаха и идеи Его Единства, как об этом сказано в Священном Коране:

﴾*Я ведь создал джиннов и людей только, чтобы они Мне поклонялись*﴿ (*Сура* 51:56).

Таким образом, концепция «культа» в Исламе принципиально отличается от таковой в прочих религиях. Культ не ограничивается явными демонстрациями преданности, такими как молитва или пост, но распространяется на всю жизнь человека. Если главная цель нашей жизни это поклонение Аллаху, то мы должны относиться к этой жизни ответственно во всех ее проявлениях. Так, все наши поступки, даже, казалось бы, незначительные, должны совершаться как акты поклонения, то есть *осознаваться* нами как реализации Божественного замысла. Конечно, для человека с его ограниченными возможностями это недостижимый идеал, но разве задача религии не в том, чтобы воплощать идеалы в жизнь?

Позиция Ислама в этом вопросе неоспорима. Во-первых, он учит тому, что постоянное служение Аллаху с помощью всех многообразных форм человеческой жизнедеятельности – это и есть смысл жизни. Во-вторых, тому, что достижение этой цели невозможно, пока мы продолжаем разделять нашу жизнь на две части – духовную и физическую. Иными словами, и в нашем сознании, и в наших поступках они должны быть связаны в одно гармоничное целое. Представление о Единстве Бога должно выражаться в

нашем стремлении к координации и унификации различных сторон нашей жизни.

Отсюда логически следует еще одно известное мне отличие Ислама от всех прочих религиозных систем. А именно то, что Ислам как учение берется определить не только метафизические отношения между человеком и его Создателем, но также, – и едва ли не с большим энтузиазмом, – отношения в этом мире между индивидуумом и его социальным окружением. Земная жизнь рассматривается им не как пустая оболочка, бессмысленная тень будущей Вечной жизни, но как нечто самоценное и позитивное.

Из всех религиозных систем только Ислам объявляет совершенство возможным в этой жизни. Ислам не требует от человека полного подавления всех мирских желаний ради достижения этой цели, как это делает христианское учение; не сулит нескончаемой череды перерождений каждый раз на более высоком уровне, что характерно для Индуизма; не согласен он и с Буддизмом, в котором совершенство и спасение души могут быть достигнуты только путем отрицания собственного Я и его растворения в остальном мире. Нет, Ислам настаивает на том, что человек может достигнуть совершенства в своей собственной земной жизни, пользуясь всем тем, что дано ему природой и всеми возможностями окружающего мира.

Чтобы избежать недоразумений, хочу пояснить, что я имею здесь в виду под термином «совершенство». Учитывая ограниченный биологический потенциал человека, мы не можем мечтать об «абсолютном» совершенстве, поскольку Абсолютное принадлежит только к атрибутам Божества. Совершенство человека следует понимать как совершенство психологическое и моральное, при этом с четкими оговорками. Человек не обязан обладать *всеми* возможными хорошими качествами, и даже не предполагается, что он будет постепенно перенимать их извне. Единственное, что он должен делать, это *развить уже заложенные в нем положительные качества и пробудить тем самым дремлющие до сих пор силы.*

Жизнь у всех людей разная, и соответственно, качества, заложенные в них, могут быть тоже разными. Абсурдно полагать, что все люди должны – и в принципе могут – стремиться к одному и тому же «типу» совершенства, точно так же как абсурдно ожидать одних и тех же качеств от великолепного скакуна и великолепного же тяжеловоза. Оба могут быть по-своему совершенны и удовлетворять каждый своим требованиям, и, тем не менее, они *разные*, потому что изначально различны их виды. То же самое с людьми. Если путь к совершенству означает насаждение одного определенного «стандарта», – как это делает, например, Христианство, пропагандируя тип святого-аскета, – то люди, следовательно, должны отказаться от своих индивидуальных особенностей, модифицировать их, подавить в себе. Но это нарушило бы Божественный закон о многообразии индивидов, распространяющийся на все виды жизни на земле. Исходя из этого, Ислам, не будучи религией, навязывающей что-либо, предоставляет человеку самое широкое поле для его существования как личности и члена социума. В зависимости от индивидуальных наклонностей человек имеет право развивать в себе те или иные качества. Иными словами, человек может как быть аскетом, так и получать удовольствие от самых разнообразных ощущений в разумных пределах; он может быть как кочевником, блуждающим по пустыне и не знающим, что он будет завтра есть, так и богатым торговцем в окружении своего имущества: до тех пор, пока он преданно и осознанно подчиняется законам, установленным Аллахом, он свободен устраивать свою индивидуальную жизнь так, как просит того его природа. Его обязанность – всем сердцем почитать жизнь как дар, посланный ему его Создателем, а также помогать своим соплеменникам, стараясь расти при этом духовно, социально и материально. *Особенности* же его индивидуальной жизни ни в коем случае не ограничиваются единым стандартом. Человек свободен в выборе в пределах бесконечного числа незапрещенных возможностей. Такой «либерализм» идет от исламского тезиса о том, что природа человека априори хороша. В противоположность христианской идее о том,

что человек приходит в этот мир грешником, или учению Индуизма, согласно которому он от рождения находится на низшем уровне и только путем многочисленных болезненных перерождений он может достичь, наконец, желанного совершенства, учение Ислама говорит, что человек рождается чистым и потенциально совершенным. В Священном Коране сказано:

Мы сотворили человека лучшим сложением. И тут же: *...а потом вернем его в нижайшее из низких* (состояние*), кроме тех, которые уверовали и творили добрые дела* (*Сура* 95:4-6).

В этих аятах содержится мысль о том, что человек рождается праведным и чистым, а также о том, что неверие в Аллаха и отсутствие добрых деяний могут лишить человека его природного совершенства. И наоборот, человек может заново приобрести свое природное индивидуальное совершенство, если сознательно примет идею Единства Бога и подчинится Его Законам. Таким образом, согласно Исламу, зло не является врожденным; оно возникает в процессе сознательной жизни индивида в результате неправильного использования им положительных качеств, которыми Аллах от рождения наделяет каждого человека. Качества эти, как уже было сказано, различаются от человека к человеку, но всегда сами по себе совершенны. На протяжении своей земной жизни человек в состоянии полностью развить их в себе. Мы верим, что в жизни *после* смерти у нас будут другие чувства и другое восприятие, но также и новые качества и способности, которые сделают возможным дальнейшее развитие души на пути к совершенству. Но это только в будущей жизни. А в этой, земной, жизни, как утверждает учение Ислама, мы – каждый из нас – также можем достичь полного совершенства, развивая те положительные черты, которые уже заложены в нас и из которых состоят наши индивидуальности.

Из всех религий только Ислам позволяет человеку наслаждаться всем, что есть в земной жизни, и не терять при этом духовной ориентации. Такая позиция в корне отличается от христианской. Согласно христианскому учению, че-

ловек постоянно грешит, начиная с Адама и Евы, и, следовательно, земная жизнь человека рассматривается, – по крайней мере, теоретически, – как скорбная юдоль печали. В ней происходит постоянная борьба между двумя силами: Злом, олицетворенным Дьяволом, и Добром в лице Иисуса Христа. С помощью соблазнения плоти Дьявол пытается сбить человеческую душу с праведного пути, и если душа принадлежит Христу, то тело находится во власти козней Дьявола. Эту мысль можно выразить и по-другому: материальный мир по своей сути от Дьявола, в то время как духовный мир от Бога и от Добра. Все физическое, или «плотское», в человеческой природе, как любят говорить христианские богословы, – это прямое следствие того, что Адам поддался искушению Принца Тьмы. Поэтому чтобы обрести спасение, Человек должен отвратить свое сердце от этого плотского мира ради будущего духовного мира, в котором «первородный грех» искуплен распятием Христа на кресте.

Даже если этой догме и не следуют на практике – и никогда не следовали – само существование подобного учения рискует вызвать в религиозном человеке постоянный психологический дискомфорт. Он мечется между приказом безоговорочно отречься от мира и естественным желанием жить и получать удовольствие от этой жизни. Сама идея врожденного греха, которого невозможно избежать, и его мистического – для человека со средними умственными способностями непостижимого – искупления Иисусом на кресте, ставит барьер между духовными стремлениями человека и его вполне естественными мирскими страстями.

В Исламе нет никакого «первородного греха»; мы считаем это понятие противоречащим идее Божественной справедливости. Бог не возлагает на ребенка ответственность за грехи родителей. Почему Он должен заставлять все бесчисленные поколения людей отвечать за грех неповиновения, совершенный их далекими предками? Конечно, этому тезису можно найти философское обоснование, но для неискушенного разума он всегда будет оставаться таким же искусственным и непонятным, как понятие Троицы. А раз

нет греха, передающегося по наследству, то нет в учении Ислама и искупления грехов всего человечества. Искупление грехов и проклятие *индивидуальны*. Каждый мусульманин сам страдает за свои грехи; в нем самом заложены как возможности для духовного роста, так и для падения. В Коране сказано о человеке:

﴿*Ей (душе) – то, что она приобрела, а против нее – то, что она приобрела для себя*﴾ (Сура 2:286). А в другом аяте говорится:

﴿*человеку – лишь то, в чем он усердствовал*﴾ (Сура 53:39).

Однако, не разделяя мрачный взгляд христиан на жизнь, Ислам, тем не менее, учит нас не преувеличивать значение земной жизни, так, как это делает современная Западная цивилизация. В то время как Христианство видит в жизни на земле только плохое, современный Запад, оторвавшись от своей религии, обожает жизнь, как обжора стоящую перед ним еду: он жаждет ее, не испытывая при этом никакого почтения перед ней. Ислам, напротив, смотрит на жизнь спокойно и с уважением. Он не создает ее культа, но видит в ней одну из естественных ступеней на пути к высшему бытию. А раз это одна из ступеней, причем неизбежных, человек не имеет права не уважать земную жизнь и недооценивать ее значение. Наше путешествие по этому миру предусмотрено Божественным замыслом, и потому человеческая жизнь имеет огромное значение. В то же время мы не должны забывать, что это только *инструмент*. В Исламе нет места ни оптимизму современных западных материалистов, которые говорят: «Мое царство здесь, на земле», ни христианской концепции жизни, утверждающей: «Мое царство не от мира сего». Ислам занимает в этом отношении серединную позицию. Коран учит нас молиться так:

﴿*Господи наш! даруй нам в ближней жизни добро и в последней добро*﴾ (Сура 2:201).

Таким образом, полное приятие этого мира и всего, что в нем есть, не обязательно становится препятствием для

наших духовных стремлений. Материальное благополучие желательно, хоть и не является самоцелью. Целью всех наших поступков должно быть создание таких условий жизни индивида в обществе, в которых повышалась бы его моральная устойчивость. Следуя этому принципу, Ислам призывает человека осознать свою моральную ответственность за все, что он делает, и большое и малое. Широко известной евангельской формулировке «Кесарю кесарево, а Богу Богово» нет места в теологической системе Ислама, где, вопервых, все считается принадлежащим Аллаху, а во-вторых, потому что Ислам отвергает существование конфликта между моральными и социально-экономическими потребностями человека. Выбор всегда только один – это выбор между Истинным и Ложным, и третьего не дано. Отсюда и утверждение о том, что мораль может существовать без *действия*.

Каждый отдельный мусульманин должен считать себя до определенной степени ответственным за все, что происходит вокруг, и способствовать торжеству Истины и поражению Лжи всегда и везде. Основание для подобного тезиса мы находим в кораническом аяте:

﴾*Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого*﴿ (*Сура* 3:110).

В этом видят моральное оправдание агрессивности Ислама, оправдание первых исламских завоеваний и его, так называемого, «экспансивного характера». Исламский мир действительно *вел* когда-то свою экспансию, если пользоваться этим термином, но не ради господства. Не было чувства своего экономического или национального превосходства, не было стремления улучшить условия жизни мусульман за счет других народов, не было никогда принудительного обращения неверующих в Ислам. И раньше и сейчас единственной целью Ислама остается создание во всем мире условий для духовного развития человека, потому что, согласно мусульманскому учению, знание немедленно налагает на человека моральную ответственность. Чисто платоническое различение Истинного и Ложного без желания

распространить первое и уничтожить второе аморально по своей сути, потому что мораль живет, пока живо стремление человека утвердить ее победу на земле.

Дух запада

В предыдущей главе я попытался вкратце обрисовать основные тезисы Ислама, касающиеся морали. Нельзя не признать, что Исламская цивилизация была самой совершенной теократией, которую только знала история.[2] Духовность ставилась в Исламе превыше всего, а все остальное ей подчинялось. Если мы сравним такую позицию с аналогичной позицией Западной цивилизации, мы поразимся, насколько они отличаются.

Современный Запад во всех своих действиях и помыслах руководствуется почти исключительно соображениями практической пользы и стремлением к постоянному прогрессу. Он открывает в жизни все новые и новые возможности, не приписывая самой жизни никакой особой значимости. Для современного европейца или американца вопрос о смысле жизни уже давно перестал иметь какое-либо практическое значение. Их волнуют только такие вопросы, как, например: в каких формах может существовать жизнь? Или: правда ли, что человеческий род со временем станет полновластным хозяином природы? На этот вопрос современный житель Запада отвечает утвердительно, в отличие от верующего мусульманина. В Коране Бог говорит Адаму и его потомкам:

---

[2] Я хотел бы подчеркнуть, что я использую термин «теократия» *не* в том смысле, в каком его обычно понимают на Западе. Отталкиваясь от своего собственного исторического опыта, люди на Западе называют «теократией» политическую власть в государстве, находящуюся в руках церкви, в их случае средневековой Христианской церкви и иерархии ее духовенства. Ислам, напротив, не приемлет института «священничества», а, следовательно, в нем нет и ничего аналогичного Христианской церкви. Таким образом, когда мы, мусульмане, говорим о «теократии», мы имеем в виду не более и не менее чем социально-политический строй, при котором законодательство целиком базируется на том, что мы полагаем Божественным Законом, или мусульманским *шариатом*. (См также главу «Терминология и прецедент в истории» в моей книге «*Принципы построения государства и управления в Исламе*».)

﴾*Я установлю на земле наместника*﴿ (*Сура* 2:30).[3] Очевидно, что человек, таким образом, назначается правителем на земле, ее лидером. Однако далее Ислам и Запад поразному понимают то, каким образом должно осуществляться движение вперед. Современный Запад верит в возможность морального и социального роста человека посредством новых достижений в материальной сфере и развития научной мысли. Точка зрения Ислама диаметрально противоположна западному материалистично-динамическому подходу к истории человечества. Ислам считает духовный потенциал «человечества» как коллективного целого постоянной величиной, заложенной уже на стадии формирования человеческой природы. В отличие от западной идеологии, Ислам никогда не полагал, что человеческая природа – в ее общем, надиндивидуальном понимании – подвержена процессу изменения и развития подобно росту дерева; хотя бы потому, что, согласно Исламу, характер этой природы, или человеческой души, не биологический. Рассматривая расширение познаний в области физики и рост материального благополучия как идентичные внутреннему *росту* человечества, современный Запад совершает принципиальную ошибку, а причиной тому является ошибочное применение правил биологии к небиологическим явлениям, которое идет от неверия Современного Запада в то, что мы называем «душой». С точки зрения Ислама, базирующегося на трансцендентном учении, это реальность, не подлежащая сомнению. Материальный прогресс и прогресс духовный, хотя и не противоречат друг другу, не идентичны. Они касаются двух разных взаимодополняющих друг друга аспектов человеческой жизни. Порой, но не всегда, эти две формы прогресса могут развиваться независимо.

Ислам, разумеется, признает возможность внешнего, то есть материального, прогресса человечества в целом, и даже настаивает на его необходимости, но категорически от-

---

[3] Толкование этого коранического аята см. в примечании 22 на стр. 8 «Послания Корана», переведенного и прокомментированного Мухаммадом Асадом.

рицает возможность *духовного* роста человечества благодаря его коллективным достижениям. Духовный рост ограничен рамками индивида, и единственный путь внутреннего духовного развития – это путь, который каждый конкретный человек проходит от своего рождения и до смерти. Мы не можем идти к совершенству толпой, как коллективное целое. Каждый обязан стремиться к духовности *самостоятельно*, и у каждого свое начало и свой конец на этом пути.

Строго индивидуальный подход к духовной жизни человека сочетается, и даже косвенно подкрепляется в Исламе четко определенной концепцией общества и социального взаимодействия. Общество обязано организовать внешнюю сторону жизни так, чтобы на пути отдельного индивида было как можно меньше препятствий и как можно больше того, что способствовало бы его духовному самосовершенствованию. Вот почему Исламское Законодательство, шариат, затрагивает и духовную, и материальную стороны человеческой жизни, как в индивидуальном, так и в социальном аспекте.

Концепция, которую я только что представил, возможна только при наличии позитивной веры в существование человеческой души, а, следовательно, и трансцендентной цели человеческой жизни. Поскольку современный житель Запада, как правило, отрицает существование человеческой души, вопрос о смысле жизни перестает иметь для него практическое значение. Размышления об абстрактном и трансцендентном он оставил позади.

Для того, что мы называем «религиозным подходом», принципиальна вера в то, что есть универсальная мораль, предписания которой мы, человеческие существа, обязаны исполнять. В то же время Западная цивилизация в наши дни не признает необходимости подчинения человека каким-либо экономическим или социальным нормам. Ее реальное божество не имеет ничего общего с духовностью. Ее бог – Комфорт, а жизненная философия – Стремление к Власти ради власти. И то, и другое берет свое начало в Древнем Риме.

Упоминание Древнеримской цивилизации как родоначальницы – до определенной степени – материализма на современном Западе может показаться странным тем, кто сталкивался с частым сравнением Римской империи с ранней Мусульманской империей. Как же могут так различаться фундаментальные понятия в Исламе и на современном Западе, если в прошлом их политическая реализация была сходна? Ответ прост: на самом деле никакого сходства не было. Популярное, так часто произносимое сравнение, не более чем одно из множества заблуждений поверхностных и невежественных историков, которыми снабжается нынешнее поколение на Западе. Кроме того факта, что они имели огромную территорию и многонациональный состав, между Мусульманской и Римской империями нет ничего общего, поскольку на протяжении всего своего существования эти две империи были движимы абсолютно разными мотивами и, можно сказать, выполняли различные исторические задачи. Даже на формальном уровне можно заметить огромную разницу между Исламской и Римской империями: Римской империи понадобилась тысяча лет, чтобы распространить свою экспансию на максимальной территории и достичь пика политической зрелости, в то время как Исламская империя совершила скачок к своему расцвету за неполные 80 лет.

Если же мы обратимся к периодам их относительного упадка, то здесь разница еще более очевидна. Падение Римской империи в результате миграций гуннов и готов завершилось в течение одного столетия, причем так, что от нее остались только памятники литературы и архитектуры. Прямой наследницей Рима обычно считают Византийскую империю, но на самом деле единственным основанием для этого служит ее расположение на части римских земель. По своей социальной структуре и политической организации она не имела ничего общего со столпами Римского государства. Исламская империя, воплотившаяся в Халифате, претерпела без сомнения множество деформаций и смен династий на протяжении своего длительного существования, но не утратила при этом своей изначальной структуры. Внеш-

няя агрессия, даже нападение монголов, которое было гораздо более варварским, чем посягательства гуннов и готов на Римскую империю, не смогли поколебать социальный строй и структуру Империи халифов, хотя, разумеется, и приложили руку к последовавшему затем спаду в экономической и интеллектуальной сферах. По сравнению со столетием, которое понадобилось, чтобы уничтожить Римскую империю, период постепенного упадка Исламского государства продолжался почти тысячу лет, пока, наконец, его политическая смерть не стала фактом. Знамением этого стало падение Османской империи, после которого мусульманское общество начало разлагаться. Последствия этого разложения мы наблюдаем в наши дни.

Сказанное выше позволяет нам сделать вывод, что Мусульманский мир по своей внутренней силе и потенциалу превосходил любой другой социальный строй, когда-либо существовавший в истории. Даже Китайская цивилизация, которая, без сомнения, также отличалась устойчивостью на протяжении многих веков, не может с ним равняться. Китай находится на краю континента, и до периода 50-тилетней давности, то есть до расцвета современной Японии, он был вне досягаемости агрессоров. Войны с монголами во времена Чингисхана и его наследников коснулись лишь края Китайской империи. Что касается Исламского халифата, то его территория располагалась на трех континентах в постоянном соседстве с довольно мощными и жизнеспособными враждебными силами. Еще на заре истории так называемый Ближний Восток стал вулканическим центром межрасовых и межкультурных конфликтов; и, тем не менее, уклад мусульманского общества оставался незыблемым в этих условиях, по крайней мере, до последнего времени. Не нужно далеко ходить за объяснением этого удивительного факта: прочный фундамент обеспечило религиозное учение Корана, а пример жизни Пророка Мухаммада сформировал прочнейший каркас для всей конструкции. В Римской империи не было духовной составляющей, потому она и пала так быстро.

Но есть и еще одно различие между двумя этими древними империями. В то время как в Исламском халифате не было одной господствующей народности, а власть нужна была для пропаганды идеи, которую ее поборники полагали высшей религиозной истиной, в основе Римской империи лежало стремление к господству над прочими народами и их эксплуатации единственно в угоду завоевателям. Ради лучшей жизни привилегированной группы людей, римляне не останавливались ни перед какой жестокостью и несправедливостью. Пресловутая «римская справедливость» была таковой только по отношению к *римлянам.* Очевидно, что такой подход возможен только при полностью материалистичном понимании жизни и цивилизации. Нельзя не признать, что этот материализм был не лишен интеллекта и эстетического вкуса, но, тем не менее, чужд каким-либо духовным ценностям. Римляне так и не познали настоящую религию. Их традиционные боги были всего лишь бледной имитацией греческой мифологии, – маловыразительные божки, которых общество молчаливо согласилось принять. Эти боги никак не могли вмешиваться в «реальную» жизнь. Если к ним обращались, они должны были передавать предсказания через посредство своих жрецов; но никогда не предполагалось, что они будут диктовать людям нормы поведения и руководить их поступками.

Такова была почва, на которой выросла Западная цивилизация. Конечно, было много различных прочих влияний на протяжении ее существования, и естественно, что культурное наследие Рима во многих отношениях было видоизменено. Но факт остается фактом: все, что есть сегодня в западной этике и мировоззрении, непосредственно восходит к Древнеримской цивилизации. Как глубоко утилитарна и антирелигиозна была интеллектуальная и социальная атмосфера в Древнем Риме, – даже если это и не признавалось, то на самом деле было так, – такова и атмосфера в современном Западном мире. Западная идеология не может опровергнуть постулаты трансцендентной религии и даже не видит необходимости в их опровержении. Терпимо относясь к религии в целом и даже ценя ее как

социальный институт, она оставляет абстрактную этику за пределами своих практических интересов. Западная цивилизация не *отрицает* Бога, а просто не отводит для Него места в своей нынешней картине мира, не видит в Нем никакой пользы. Ограниченность человеческого интеллекта, его неспособность осознать, что такое жизнь в принципе, возведена в ранг добродетели. Иными словами, современный западный человек предпочитает придавать значение только тем идеям, которые находятся в сфере эмпирических наук или, по крайней мере, явным образом влияют на отношения между людьми. Поскольку существование Бога не *доказывается* ни тем, ни другим способом, западное сознание склонно в принципе исключить Бога из сферы рассмотрения.

Встает вопрос: как такой подход сочетается с *Христианским* мировоззрением? Разве христианство, которое считается духовным первоисточником Западной цивилизации, не есть вера, базирующаяся на высшей морали? Конечно, это так. Но нет большего заблуждения, чем полагать, что Западная цивилизация вышла из Христианства. Настоящий идейный фундамент современного Запада, как уже было сказано выше, следует искать в древнеримской концепции жизни как чисто утилитарной без каких-либо трансцендентных составляющих. Эта мысль может быть выражена следующим образом: «Поскольку мы ничего не можем узнать о природе человеческой жизни и его судьбе после телесной смерти наверняка, посредством научного эксперимента и вычисления, то не лучше ли сосредоточить все свои силы на использовании возможностей тела и интеллекта и не обременять себе жизнь абстрактными этическими и моральными постулатами, которые не поддаются научному доказательству». Нет сомнения в том, что такая позиция, очень характерная для современной Западной цивилизации, неприемлема для Христианства, так же как и для Ислама или любой другой религии, потому что антирелигиозна по своей сути. Следовательно, приписывать достижения Западной цивилизации в материальной сфере силе христианского учения просто нелепо. Вклад Христианства в тот скачок науки и

материального благополучия, который совершил Запад и благодаря которому он опередил все прочие цивилизации, крайне незначителен.[4] На самом деле, эти достижения были получены в результате многолетней борьбы Европы *против* Христианской Церкви и ее мировоззрения.

На протяжении многих лет религиозная доктрина в Европе подавляла ее духовность, провозглашая презрение к человеческой природе. Идея аскетизма, которой проникнуто Евангелие от начала и до конца, требование смиренно подчиняться наказанию, даже если оно несправедливо, и «подставлять другую щеку», уничижение секса как следствия изгнания Адама и Евы из Рая, «первородный грех» и его искупление распятием Христа – все это заставляет интерпретировать земную жизнь не как позитивный этап, но как неизбежное зло и препятствие на пути к духовному совершенству. Очевидно, что подобное вероучение не может благоволить стремлению познать мир и улучшить условия жизни на земле. И в самом деле, слишком долго сознание европейцев находилось под воздействием мрачной концепции человеческой жизни на земле. В Средние века в период полного господства Церкви интеллектуальная жизнь в Европе практически остановилась, научные исследования не проводились, даже философские достижения Рима и Греции, в которых берет начало европейская культура, были забыты. Человеческий интеллект не раз восставал против этого, но раз за разом Церковь побеждала. История Средних веков полна жестокого противостояния между гением Европы и духом Церкви.

Освобождение европейского сознания от интеллектуальной порабощенности Христианской Церковью произошло в период Ренессанса, и было в большой степени обязано

---

[4] В то же время, несправедливо будет не отметить, что вплоть до конца семнадцатого века Христианство (или конкретнее, Христианская Церковь) играло огромную и очень позитивную роль в развитии западного визуального искусства – живописи, скульптуры и архитектуры, - а также западной музыки, будучи не только источником вдохновения, но и значительным покровителем искусства.

новым культурным веяниям и идеям, в течение нескольких столетий приходивших на Запад от арабов.

Арабы возродили все лучшее, что было в культуре Древней Греции и позднем эллинизме, и затем развивали эти идеи на протяжении многих веков после образования первого Исламского халифата. Я не утверждаю, что восприятие эллинистической мысли было исключительно полезно арабам и мусульманам в целом. Это не так. Однако, при всех сложностях, с которыми столкнулись мусульмане, введя аристотелевские и неоплатонические понятия в исламское богословие и юриспруденцию, возрожденная ими эллинистическая культура дала огромный импульс европейской мысли. Средние века истощили продуктивные силы Европы. Наука переживала застой, господствовали религиозные предрассудки, общественная жизнь была примитивна и настолько убога, что мы сейчас и представить себе не можем. В этот момент в запертые двери Европейской цивилизации постучалась мусульманская культура; сначала этому способствовали крестовые походы на Восток, а также блестящие научные достижения мусульманской Испании и Сицилии на Западе, позднее растущие коммерческие связи между республиками Генуи и Венеции и Ближним Востоком. Пред удивленными очами европейских ученых и мыслителей предстала иная цивилизация: совершенная, прогрессивная, полная жажды жизни и обладающая культурным богатством, которое Европа уже давно утратила и забыла. Арабы сделали гораздо больше, нежели просто возродили древнегреческую науку. Они создали собственный совершенно новый научный мир и открыли доселе неведомые исследовательские методы и философию. Все это разными способами они передали на Запад, и не будет преувеличением сказать, что современная научная эра, в которую мы живем, берет свое начало не в городах Христианской Европы, но в таких мусульманских центрах, как Дамаск, Багдад, Каир, Кордова, Нишапур, Самарканд.

Эффект, вызванный такой интеллектуальной экспансией, был ошеломляющим. С приходом Исламской цивилизации на западном небосклоне вновь посветлело и повеяло

свежестью, проснулось стремление к прогрессу. Европейские историки не случайно назвали этот период обновления *Ренессансом,* что значит «возрождение». Это действительно было возрождение Европы как таковой.

Новые идеи, которые потоком хлынули из мусульманской культуры, придали сил лучшим умам Европы для борьбы с гибельным господством Христианской Церкви. Первым результатом этого противостояния стало появление реформистских движений, которые вспыхнули почти одновременно в разных европейских странах и ратовали за адаптацию христианского мировоззрения к новым требованиям жизни. Эти движения были по-своему сильны, и если бы они добились реального успеха, они могли бы вновь примирить научную и религиозную мысль в Европе. Однако этого не случилось, потому что пагубное влияние средневековой Церкви проникло так глубоко, что ничего уже нельзя было исправить одними лишь реформами, тем более что они сами вскоре свелись к политическим баталиям между группировками заинтересованных лиц. Не будучи в корне реформировано, Христианство заняло оборонительную извиняющуюся позицию. Ни Католическая, ни Протестантская церкви так и не отказались от своих убеждений, непонятных догм, презрения ко всему мирскому и бессовестной поддержки сильных мира сего за счет народа. Они только и делали, что маскировали свои серьезные недостатки и находили для них пустые оправдания. Не удивительно, что на протяжении десятилетий и даже веков религиозная мысль в Европе продолжала слабеть до тех пор, пока, наконец, в XVIII веке после Великой французской революции и событий, последовавших за ней в других странах, Церковь не сдала свои позиции окончательно.

В тот момент показалось, будто в Европе имеет шанс развиться новая цивилизация, свободная от мертвой хватки схоластического средневекового богословия. И в самом деле, можно заметить, что на рубеже XVIII и XIX веков творили многие из выдающихся деятелей в области философии, искусства, литературы и науки. Однако настоящая духовность и религиозное мировоззрение распространялись не

более чем на отдельных индивидов. Огромные массы европейцев, которые так долго были скованы религиозными догмами, никак не соотносящимися с естественными потребностями человека, не смогли и не захотели вернуться к настоящей религии тогда, когда эти оковы были, наконец, сброшены.

Возможно, одной из важнейших причин, помешавших религиозному возрождению в Европе, был взгляд на Иисуса Христа как на Сына Божьего. Разумеется, христиане, обладающие способностью мыслить философски, никогда не понимали родство в данном случае буквально. Для них Христос олицетворял Милость Бога в человеческом обличии. Но, к сожалению, не все способны мыслить абстрактно. Для подавляющего большинства христиан слово «сын» имело и имеет исключительно буквальное значение, хотя и с мистическим оттенком. А поскольку Христос – «Сын Божий», то отсюда естественным образом следует и антропоморфное представление о Самом Боге, который приобретает облик доброго старика с большой седой бородой – облик, который отпечатался в сознании европейцев, увековеченный бесчисленными шедеврами живописи. В те времена, когда Церковь имела высшую власть в Европе, не было даже попыток усомниться в адекватности этой странной концепции. Как только средневековые кандалы пали, мыслящие люди в Европе не смогли более мириться с Богом-Отцом в облике человека. Одновременно антропоморфизм сохранился в народном представлении о Боге и, более того, стал неотъемлемой его частью. После эпохи Просвещения европейские мыслители инстинктивно отвергли концепцию Бога, представленную в учениях Церкви, но поскольку это была единственная знакомая им концепция, то они начали отрицать само существование Бога, а вместе с ним и религию.

Вдобавок к этому началась индустриальная эра с ее очарованием стремительного материального прогресса, и у людей появились новые интересы, а результатом стал последующий религиозный вакуум на Западе. Находясь в этом вакууме, Западная цивилизация подошла к трагическому

повороту в своей истории, трагическому с точки зрения любого, кто видит в религии основу человеческой жизни. Освобожденное от гнета Христианства с его учением о триединстве Бога, сознание современного западного человека переходит все грани дозволенного и постепенно приходит к отрицанию любых форм моральных ограничений человека. Из-за подсознательного страха вновь оказаться во власти духовных авторитетов Европа стала лидером антирелигиозного движения, как в теории, так и на практике, и возвращается в этом смысле к своему древнеримскому прошлому.

Не будет ошибочным утверждение, что именно так называемое «превосходство» христианской доктрины над прочими вероучениями позволило Западу добиться таких блестящих достижений в материальной сфере, поскольку эти достижения не стали бы реальностью, если бы интеллектуальные силы Европы не вынуждены были бороться против фундаментальных основ Христианской Церкви. Нынешний утилитарный подход к жизни – это месть Европы христианской «духовности», которая так далека от реальной жизни.

Я не собираюсь углубляться далее в отношения между Христианством и современной Западной цивилизацией. Хочу только еще раз подчеркнуть три фактора, – возможно, самые главные, – которые привели эту цивилизацию к такому последовательно антирелигиозному мировоззрению. Во-первых, это наследие Римской цивилизации с ее глубоко материалистичным подходом в отношении того, что касается человеческой жизни и ее предназначения. Во-вторых, протест человеческой природы против христианского презрения к миру и подавления естественных желаний и законных стремлений человека, а вместе с тем и против традиционного союза Церкви с обладателями политической и экономической власти и ее молчаливого одобрения любого вида эксплуатации, который только они могут изобрести. И, наконец, антропоморфное представление о Боге.

Восстание против религии имело исключительный успех; настолько, что разнообразные христианские секты и церкви со временем были вынуждены приспособить неко-

торые из своих догм к изменившимся социальным и интеллектуальным условиям Европы. Вместо того чтобы оказывать влияние на формирование жизненного уклада своих прихожан, – что есть первейшая обязанность религии, – Христианство стало объектом общественного договора и прикрытием для политических амбиций. Для большинства она не более чем формальность, подобно древнеримским богам, которым не позволялось, да и не положено было, оказывать какое-либо реальное воздействие на общественную жизнь. Нет сомнения в том, что на Западе до сих пор остается много людей, которые все еще религиозно настроены и которые прилагают отчаянные усилия, чтобы примирить свою веру с атмосферой цивилизации. Но это всего лишь единицы. В среднем же западный человек – демократ ли или фашист, капиталист или коммунист, рабочий или интеллигент, – знает только одну «религию» – это культ материального прогресса, вера в то, что главная цель жизни – делать ее все проще и проще и, как гласит общепринятое выражение, в результате стать «независимыми от Природы». Храмы этой «религии» – гигантские фабрики, кинотеатры, химические лаборатории, танц-холлы, гидроэлектростанции; ее жрецы – банкиры, инженеры, кинозвезды, промышленные магнаты, спортсмены. Неизбежным результатом жажды власти и наслаждений стало появление вооруженных до зубов групп людей, готовых разрушить все и вся на пути достижения своих целей. Человеческая мораль стала ограничиваться лишь соображениями практической пользы, а высшим критерием добра и зла стал материальный успех.

В условиях серьезных преобразований, которые переживает сейчас Запад, становится все более очевидной его утилитарная направленность. Все добродетели, которые напрямую способствуют материальному благополучию общества, как, например, высокая производительность, патриотизм, национальное самосознание, высоко ценятся и порой доводятся до абсурда. В то же время качества, которые еще недавно ценились с чисто этической точки зрения, такие, например, как уважение детей к родителям или вер-

ность в браке, быстро утрачивают свою значимость, потому что не приносят осязаемой материальной пользы обществу. Эпоха, когда крепкие семейные узы имели решающее значение для благополучия группы людей или клана, сменяется на Западе веком коллективизации с более широкими лозунгами. В мире машин, где каждый быстро поднимается вверх по четко определенной социальной лестнице, поведение сына по отношению к отцу не имеет большого значения, по крайней мере, до тех пор, пока и тот и другой ведут себя в пределах нормы, установленной обществом для взаимоотношений между его членами. Как следствие, отец с каждым днем все больше теряет свой авторитет в глазах сына, а сын соответственно, теряет уважение к отцу. Их взаимоотношения постепенно сходят на нет, становятся ненужными в механизированном обществе на фоне общей тенденции нивелировать все привилегии одного индивида по отношению к другому, в том числе привилегии, касающиеся отношений в семье.

Параллельно идет процесс разложения «старой» морали в том, что касается отношений мужчины и женщины. Верность партнеру и разборчивость в отношениях быстро становятся архаизмом на Западе, потому что они оправдывались, прежде всего, этическими соображениями, а последние, как уже было сказано, не оказывают осязаемого, непосредственного влияния на материальное благополучие общества. Так, разборчивость в сексуальных отношениях утрачивает свою значимость и уступает место «новой» идеологии, которая пропагандирует неограниченную свободу человека распоряжаться своим телом. В ближайшем будущем единственным сдерживающим его фактором будут, в лучшем случае, возможные демографические проблемы.

Интересный пример эволюции к антирелигиозному мировоззрению представляет собой Советская Россия, которая в культурном отношении не отличается принципиально от Западного мира. Напротив, коммунистический эксперимент, как кажется, сумел в наиболее полной форме реализовать все категорически антирелигиозные, а порой и антидуховные, тенденции современной Западной цивилизации.

Не исключено, что корень нынешнего противостояния между капиталистическим Западом и коммунизмом лежит лишь в разных путях, по которым они, на самом деле, идут к общей цели. Их внутреннее родство будет становиться, без сомнения, все более и более очевидным в будущем, но заметно оно и сейчас благодаря общей тенденции подчинить индивидуальность человека и его нравственные устои материальным потребностям коллективного механизма, называемого «обществом», в котором каждый конкретный человек не более чем его деталь.

Из всего вышесказанного можно заключить, что цивилизация подобного типа является смертельным ядом для любой культуры, основанной на религиозных ценностях. На вопрос, который был задан в начале, о том, возможно ли адаптировать мусульманский образ мышления и жизни к потребностям Западной цивилизации и наоборот, следует дать отрицательный ответ. Первая и самая главная цель Ислама – это духовное развитие человека, а, следовательно, этические соображения в нем преобладают над утилитарными. В современной Западной цивилизации ситуация ровно обратная. Фактор материальной пользы играет решающую роль во всех проявлениях человеческой деятельности, а мораль задвинута в темный угол и приговорена к существованию в виде абстрактной теории, не имеющей никакого отношения к реальности. Говорить о морали в такой ситуации просто лицемерно, и самые осторожные из современных западных мыслителей, пытаясь оправдать себя в собственных глазах, просто избегают любого упоминания об абстрактной морали в разговорах о Западной цивилизации. Менее сдержанные, а также те, кто не так четко определился в своих взглядах на мораль, придерживаются концепции ее существования как иррационального компонента сознания. Точно также математик вынужден оперировать «иррациональными» числами, которые не имеют никакого реального содержания, но нужны, чтобы заполнить лакуны в представлении о мире, образующиеся из-за ограниченности человеческого мышления.

Такая нечеткость представления о нравственности, разумеется, не может идти ни в какое сравнение с ясностью религиозной позиции, а, следовательно, современная Западная цивилизация в своем основании не может соперничать с Исламом.

Разумеется, это не значит, что мусульмане не могут получать от Запада определенные стимулы для развития точных и прикладных наук. Однако этим культурные связи между ними должны и ограничиваться. Невозможно пойти дальше и начать подражать сути Западной цивилизации, ее образу жизни и социальному устройству, не нанеся при этом непоправимого удара самому существованию Ислама как идеологии.

Эхо крестовых походов

Помимо духовной несовместимости есть и другая причина, по которой мусульманам следует избегать подражания Западной цивилизации: многие связанные с ней исторические события сильно окрашены странной враждебностью по отношению к Исламу.

До некоторой степени это тоже наследие Древней Европы. Греки и римляне только в себе видели «цивилизованных» людей, а всех иноземцев, особенно тех, кто жил на востоке Средиземноморья, называли «варварами». С тех пор европейцы начали верить в свое расовое превосходство над остальным человечеством, и более или менее выраженное презрение к неевропейским народам стало одной из характерных черт Западной цивилизации.

Однако этого недостаточно, чтобы объяснить ее отношение к Исламу. В отличие равнодушного восприятия прочих «чуждых» религий или культур, к Исламу на Западе существует глубоко укоренившаяся, почти фанатичная антипатия, не только на уровне сознания, но и с сильной эмоциональной окраской. Запад может не принимать учения буддистов или индуистов, но относится к их религиям уравновешено и вдумчиво. Как только же дело доходит до Ислама, равновесие нарушается и на первый план выходит эмоциональное предубеждение.

За небольшими исключениями даже самые видные европейские востоковеды не избежали антинаучной пристрастности в своих работах, касающихся Ислама. В их исследованиях Ислам предстает больше не как объект научного изыскания, а почти как обвиняемый перед лицом своих судей. Некоторые из упомянутых востоковедов берут на себя роль публичных обвинителей, добивающихся признания виновности; другие – скорее адвокаты защиты, которые, будучи лично уверены в виновности клиента, лишь вяло

просят учесть «смягчающие обстоятельства». Ситуация в целом, – техники ведения следствия, заключения, которые делают большинство из ученых, – напоминает процессы в печально известных судах инквизиции, устраиваемые Католической Церковью против «еретиков» в Средние века. Они не занимаются объективной оценкой исторических фактов, а почти всегда имеют в голове уже заранее готовое заключение, продиктованное предубеждением. Они отбирают данные, подтверждающие тот вывод, к которому они *априори* решили прийти. Если произвольный выбор свидетелей невозможен, они вырезают фрагменты показаний имеющихся свидетелей из контекста или недоброжелательно «интерпретируют» их показания, что само по себе антинаучно, и не придают никакого значения тому, как видит ту же ситуацию противоположная сторона, то есть сами мусульмане.

Следствием всего этого оказывается странным образом искаженная картина Ислама и всего мусульманского, которую мы имеем в западной востоковедческой литературе. Причем это характерно не только для одной конкретной страны: такую ситуацию можно отметить и в Англии и Германии, и в Америке и России, во Франции, Италии и Голландии – короче говоря, везде, где западные востоковеды занимаются Исламом. Такое впечатление, что они получают удовольствие, злорадствуя, когда появляется повод для критики, не важно, реальный или надуманный. И поскольку эти востоковеды не составляют отдельной расы, а являются представителями цивилизации и общества, мы неизбежно приходим к заключению, что западное сознание в целом почему-то имеет предубеждение против Ислама как религии и культуры.[5] Одной из причин может служить древнее

---

[5] В этом отношении мы заметили за последние полвека большой прогресс в методах, которыми пользуются европейские и американские востоковеды в своих исследованиях, и в тоне их высказываний, хотя небольшое число из них, как кажется, еще не отбросили своих предрассудков. В целом в западных работах по Исламу и мусульманскому миру наблюдается растущее понимание идей и задач Ислама. Существовавшая ранее сознательная или подсознательная тенденция искажать образ Ислама почти исчезла со страниц серьезной востоковедческой литературы.

разделение всего человечества на «европейцев» и «варваров»; другую причину, напрямую связанную с Исламом, следует искать в исторических событиях, в частности в истории Средних веков.

Первое столкновение между объединенной Европой с одной стороны и Исламским миром с другой, а именно Крестовые походы, произошло еще на заре Европейской цивилизации. В то время эта цивилизация с еще мощной Церковью только вставала на самостоятельный путь после тяжелого периода, последовавшего за падением Рима. Литература переживала новую весну. Искусство медленно пробуждалось от летаргического сна, в который его повергли миграции воинствующих готов, гуннов и аваров. Европа только-только отошла от реалий грубого Средневековья и стала нуждаться в новом культурном сознании и в большей чувственности. И именно в этот критический период Крестовые походы столкнули ее как с врагом с миром Ислама. Нужно сказать, что конфликты между мусульманами и европейцами случались и раньше, ведь арабы завоевали Сицилию и покушались на юг Франции. Однако эти войны имели место до того, как Христианская Европа проснулась в своем новом культурном обличии, и потому носили, по крайней мере, с европейской точки зрения, локальный характер и не вызвали широкого резонанса. Именно Крестовые походы предопределили европейское отношение к Исламу на многие века вперед.

Крестовые походы имели решающее значение, потому что велись в период становления Европы, когда ее собственная культура только зарождалась и все еще находилась в процессе формирования. Как у каждого из нас, у нации в целом яркие впечатления раннего детства, сознательно или подсознательно, также остаются на всю жизнь. Они впечатываются в сознание так глубоко, что только с трудом и редко когда полностью удается перекрыть их интеллектуальным опытом следующей, более вдумчивой и менее эмоциональной эпохи. Именно так обстояло дело с Крестовыми походами. Они произвели одно из самых глубоких впечатлений на психологию масс в Европе, которое не исчеза-

ло очень долго. Энтузиазм, охвативший в то время весь мир, не сравним ни с чем из того, что переживала Европа ни до того, ни после. Волна опьянения прокатилась по всему континенту, восторг, который порой не могли остановить ни государственные границы, ни национальные или классовые различия. Впервые в истории Европа осознала себя как *единое целое*, и это было объединение против Ислама. Без лишнего преувеличения можно сказать, что *Европа вышла из атмосферы Крестовых походов*. До этого были англосаксы и германцы, франки и норманны, итальянцы и датчане; теперь же появилось новое *политическое* понятие – «Христианский мир» (ни в коем случае не идентичное религиозному понятию «Христианство»), объединяющий все европейские народы в их ненависти к Исламу…

Одна из величайших ироний судьбы заключается в том, что это первое выражение коллективного самосознания и, если можно так сказать, самоутверждение Западного мира как понятия целиком было обязано импульсам, исходящим от Христианской Церкви, в то время как большая часть последующих достижений Запада, напротив, стала возможной благодаря восстанию против почти всех ее постулатов.

События развивались трагически, как со стороны Христианской Церкви, так и Ислама. Трагически для Церкви, потому что после такого блестящего начала она утратила свою власть над умами европейцев. Трагически для Ислама, потому что огонь, разожженный Крестовыми походами, в разных формах и обличьях, не удавалось погасить еще многие столетия.

Помимо невероятной жестокости, разрушений и унижения, которые благочестивые Рыцари Креста принесли на землю Ислама, завоеванную, а затем утраченную ими, они посеяли ядовитые семена многовековой вражды, которая, начиная с того времени, отравляла отношения между Востоком и Западом.

С другой стороны, вражда была не так уж неизбежна. Пусть цивилизации Ислама и Запада различаются по своим духовным составляющим и идеалам, которые они пропагандируют, но это не должно мешать им терпимо относиться

друг другу и мирно сосуществовать. Такой вариант развития событий был возможен не только теоретически, но и практически. Мусульманская сторона всегда ратовала за терпимость и уважение друг к другу. Когда халиф Гарун ар-Рашид направлял свое посольство к императору Карлу Великому, это был, прежде всего, дружественный акт, а вовсе не поиск материальной выгоды от дружбы с франками. В то время Европа была слишком примитивна, чтобы по достоинству оценить представившийся шанс, но и не отвергла его. Однако позднее на горизонте возникли Крестовые походы и окончательно испортили отношения между Исламом и Западом. Дело не в вооруженном противостоянии: настолько много межнациональных войн на протяжении человеческой истории впоследствии забывались и так часто враги со временем превращались в друзей. Зло, причиненное Крестовыми походами, не ограничивалось лязгом оружия, но проникло гораздо глубже. Оно заключалось в формировании в сознании европейцев негативного отношения к мусульманскому миру при помощи умышленного и поощряемого Церковью искажения учений и идеалов Ислама. Именно тогда в умы европейцев вошло нелепое представление об Исламе как о религии грубой чувственности и жестокости, религии формальностей, не стремящейся к очищению души, и это представление сохранялось долго.

Семя ненависти было брошено. Энтузиазм Крестовых походов вскоре распространился по всей Европе и, в частности, вдохновил христиан Испании на борьбу за освобождение страны от «вражеского ига». Через несколько веков Мусульманская Испания пала, но благодаря продолжительности противостояния анти-исламские настроения в Европе успели укорениться и приняли постоянный характер. Они проявились в систематических и беспощадных гонениях и истреблении мусульман, живущих в Испании. Победу праздновала вся Европа, затем богатейшая культура была уничтожена и ее место заняла средневековая европейская убогость.

Однако еще до того, как в 1492-ом году рухнул последний оплот мусульманской Испании, Королевство Гранада,

случилось третье событие, навредившее отношениям между Западным миром и Исламом – сдача Константинополя туркам. Византийская империя поддерживала атмосферу Древней Греции и Рима и рассматривалась как европейский бастион в борьбе против азиатских «варваров». С ее окончательным падением, врата Европы открылись перед потоками мусульман, и в течение нескольких веков непрекращающихся войн враждебность Европы по отношению к Исламу становилась все сильнее и сильнее, потому что речь шла уже не только о культуре, но и о политике.

Европа немало выгадала от этих конфликтов. Возрождение европейского искусства и науки с привлечением мусульманских, в основном арабских, источников, то есть так называемый Ренессанс, стал возможен во многом благодаря физическим контактам между Западом и Востоком. Европейская культура получила от этого гораздо больше, чем Ислам; однако она не признала себя обязанной мусульманам и прежняя враждебность по отношению к Исламу не исчезла. Напротив, она только разгоралась и постепенно переросла в привычку. Люди вспоминали о ней, как только произносилось слово «мусульмане»; она стала предметом народного фольклора, она запечатлелась в сердце каждого европейца и европейки. И что самое интересное, ее не сломили никакие культурные революции. Наступила эпоха Реформации, когда Европу рвали на части религиозные группировки и секты вооружались против сект, но и тогда всех объединяла ненависть к Исламу. Пришло время религиозного декаданса, а враждебность по отношению к Исламу осталась. Показательно, что великий французский философ Вольтер, один из самых непримиримых врагов Христианской Церкви в XVIII веке, одновременно фанатично ненавидел Ислам и его Пророка. Спустя несколько десятилетий после него ученые люди на Западе начали интересоваться культурами других народов с позитивной точки зрения, однако в случае Ислама укоренившаяся на уровне подсознания антипатия почти всегда давала о себе знать в их работах, и культурный барьер, который история проложила между Европой и миром Ислама, так и остался, к сожале-

нию, не преодоленным. Презрение ко всему исламскому стало неотъемлемой частью европейского сознания.

Действительно, первыми востоковедами в новой истории были христианские миссионеры, работавшие в мусульманских странах, и их искаженная передача учения и истории Ислама были рассчитаны на то, чтобы вызвать определенное отношение европейцев к «варварам». Тем не менее, эта особенность мышления сохраняется и сейчас, притом что востоковедение уже давно освободилось от миссионерского влияния и больше не может оправдываться заблуждением, вызванным религиозным рвением. Предубеждение против Ислама – это атавизм, черта характера, сформировавшаяся под влиянием Крестовых походов и последовавших за ними событий на умы зарождавшейся Европы.[6]

Резонный вопрос: как могло случиться, что такая старая обида на религиозной почве, нанесенная в период властвования Христианской Церкви душам европейцев, все еще жива на Западе, в то время как религия уже не имеет такой значимости?

Однако современные психологи не видят в этом, казалось бы, противоречивом явлении ничего удивительного. Они знают, что человек может полностью отказаться от религиозных убеждений, заложенных в него в детстве, но останутся суеверия, первоначально связанные с этими отброшенными за ненадобностью верованиями, и никакая логика не сможет их разрушить на протяжении всей жизни человека. Таким суеверием стало отношение Запада к Исламу.

---

[6] Напоминаю, что это было написано в 1933-ем году. Как уже было сказано в примечании 5, за последние несколько десятилетий востоковедческая литература претерпела сильные изменения. Однако то, что можно назвать «народным сознанием» в Европе и Америке, еще не способно сбалансировано относиться к Исламу и ко всему мусульманскому. Во многом винить в этом надо самих мусульман. С одной стороны, они не смогли систематическим образом представить достижения исламской мысли Западу, учитывая при этом западный тип мышления и западные литературные ассоциации. С другой стороны, заявления мусульман о своих религиозных и социально-политических убеждениях часто звучат слишком резко и необдуманно, чтобы быть вескими и объективными репликами в диалоге между Исламом и Западом, который так необходим.

Несмотря на то, что религиозное чувство, которое легло в основу анти-исламских настроений, со временем уступило место материалистичному взгляду на жизнь, старая обида осталась как подсознательный фактор в сознании европейца. Конечно, в каждом индивидуальном случае сила этой обиды различна, но то, что она есть, это факт. Тень Крестовых походов, хоть и еле заметная, продолжает витать над Западом и не позволяет ему поменять свое отношение к Исламскому миру и ко всему мусульманскому.

В среде мусульман часто можно услышать мнение о том, что ненависть Запада к Исламу, вызванная ожесточенными конфликтами в прошлом, постепенно утихает в наши дни. Высказывается даже мысль о том, что на Западе есть признаки *тяги* к Исламу как религиозному и общественному учению. Многие мусульмане всерьез верят, что не за горами повальное обращение европейцев и американцев в Ислам. Само по себе это убеждение не кажется абсурдным тем, кто считает, что из всех религиозных систем только Ислам отвечает всем истинным потребностям и возможностям, заложенным в человеческой природе, а, следовательно, и всем потребностям человеческого общества. Более того, наш Пророк сказал нам, что придет тот день, когда все человечество примет Ислам. К сожалению, пока нет и малейших признаков того, что это может произойти в обозримом будущем. Что касается Западной цивилизации, то ее обращение к Исламу представляется мне возможным только в том случае, если ее постигнут такие ужасные социальные катаклизмы, которые лишат ее сегодняшнего культурного снобизма и так основательно изменят менталитет людей, что они смогут принять религиозную трактовку жизни. На данный же момент Западный мир все еще преклоняется перед материальными ценностями и верит, что комфорт, – и только он один, – это то, к чему стоит стремиться. Материализм и неприятие религиозной направленности мышления очевидным образом усиливаются, а не ослабевают, как хотят нас уверить некоторые оптимисты из мусульман.

Современная наука начинает признавать, что за рамками видимой природы, стоит некая созидательная сила, и

этот факт оптимисты воспринимают как зарождение нового религиозного самосознания в Западном мире. Однако этим они выдают свое неправильное понимание западного научного процесса. Ни один серьезный ученый не стал бы отрицать, что Вселенная обязана своим появлением одномоментному толчку. Вопрос заключается в том, что это был за «толчок». Все трансцендентные религиозные концепции сходятся во мнении, что это Сила, обладающая абсолютным разумом и интуицией, Сила, которая творит Вселенную и управляет ей согласно определенному плану и с определенными целями и которая сама при этом ничем не ограничена. Иными словами, Бог.

Наука же, не будучи готовой и даже не стремясь заходить так далеко (на самом деле, это и не входит в сферу науки), оставляет вопрос разумности и полной независимости этой силы – другими словами, ее божественности – открытым. Точка зрения ученого примерно такова: «Это возможно, но я этого не знаю наверняка и не имею никаких научных методов, чтобы это узнать». В будущем такой подход вполне может развиться в своего рода пантеистический агностицизм, где душа и тело, намерение и действие, создатель и его создание будут слиты в единое целое. Странно видеть в подобной концепции шаг на пути к позитивному мусульманскому пониманию Бога, поскольку это отнюдь не прощание с материализмом, а просто поднятие его на более высокий и утонченный интеллектуальный уровень.

На самом деле, Запад еще никогда не был так далек от Ислама, как сейчас. Неприятие нашей религии, возможно, становится менее агрессивным, но вовсе не благодаря интересу к мусульманскому учению, но из-за культурного упадка и ослабления самого Исламского мира. Когда-то Европа боялась Ислама, и этот страх заставлял ее враждебно относиться ко всему, что было связано с Исламом, даже в вопросах, далеких от политики. Когда Ислам утратил большую часть своей значимости как враг европейским политическим интересам, вполне естественно, что Запад не только стал меньше его бояться, но и анти-исламские настроения в целом стали менее заметны. Если об этом меньше говорят,

это еще не дает нам права сделать вывод, что Запад сейчас «ближе» к Исламу; это всего лишь показатель растущего безразличия к Исламу.[7]

Западная цивилизация ни в коей мере не поменяла своей позиции. Сегодня она так же далека от религиозной концепции жизни, как и раньше, и, как я уже говорил, нет никаких убедительных свидетельств того, что в ближайшем будущем могут произойти какие-либо перемены. То факт, что мусульмане проповедуют свое учение на Западе и некоторые европейцы и американцы приняли Ислам (часто не вполне разобравшись в его учении), это не аргумент. В период, когда повсюду преобладает материализм, не удивительно, что есть отдельные индивиды, которые, несмотря ни на что, продолжают искать пути духовного развития и с энтузиазмом внимают любому вероучению, основанному на религиозной концепции. Причем мусульмане не единственные миссионеры на Западе. Существует бесчисленное множество христианских мистических сект, ратующих за «возрождение», есть очень мощное теософское движение; во многих городах Европы и Америки есть буддистские храмы, миссионеры и новообращенные. Пользуясь той же логикой, что и мусульманские миссионеры, буддисты также могут утверждать (и делают это), что Европа «поворачивается» к Буддизму. Оба утверждения нелепы. Обращение нескольких людей в Буддизм или Ислам никак не доказывает, что какое-либо из этих вероучений начало оказывать реальное влияние на западный образ жизни. Еще точнее было бы сказать, что ни одна из этих миссий не добилась ничего большего, кроме некоторого любопытства, да и то в основном благодаря «экзотичности» своих вероучений в глазах романтически настроенных людей. Разумеется, есть исключения, и некоторые неофиты искренни в своих поисках ис-

---

[7] Тем не менее, огромный скачок благосостояния Арабских стран за счет обширной добычи нефти и, как следствие, их значительная роль в мировой экономике и политике вызвали серьезную заинтересованность Запада Исламским миром, особенно тем, что касается искусства и истории. Однако как религия Ислам все еще мало знаком Западу, даже несмотря на многочисленные мусульманско-христианские встречи, дискуссии, семинары.

тины, однако этого не достаточно, чтобы говорить об изменившемся характере цивилизации в целом. Если же мы сравним число таких настоящих обращений и количество тех, кто ежедневно примыкает к чисто материалистическим «вероучениям», вроде Марксизма, это даст нам более адекватную картину тенденций, имеющих место в современном Западном мире.

Как уже говорилось ранее, растущая социальная и экономическая нестабильность, возможно, серия новых войн дотоле невиданного размаха и угроза террора с помощью достижений науки могут завести Западную цивилизацию в такой тупик, что люди задумаются и вновь в смирении потянутся к настоящим духовным ценностям. Только при таком ужасном варианте развития событий проповедь Ислама на Западе может иметь успех. Однако все это еще далеко в будущем. Не нужно обманывать себя и говорить об Исламе как уже практически покорившем Запад. Подобные разговоры – ни что иное, как давняя вера в мессию, только теперь в облике «рационалиста», вера в толчок, который бы вдруг вознес шаткую структуру мусульманского общества на вершину триумфа. Эта вера опасна, потому что приятна и легка и может увести нас далеко от осознания того факта, что культурно мы сейчас очень слабы и западное влияние ощутимо сегодня в Мусульманском мире как никогда, что мы продолжаем спать, а это влияние тем временем подрывает и всеми силами разлагает мусульманское общество. Можно мечтать о завоеваниях Ислама, но не стоит питать пустых иллюзий.

Об образовании

До тех пор, пока мусульмане видят в Западе единственную возможность возродить их собственное застоявшееся общество, они понижают тем самым свою самооценку и косвенно поддерживают убежденность Запада в том, что Ислам «выдохся».

В предыдущих главах я изложил и обосновал свое мнение о том, что Ислам и Западную цивилизацию нельзя сравнивать по духовным составляющим, потому что в их основе заложены диаметрально противоположные представления о жизни. Если это так, то можно ли ожидать, чтобы анти-исламские настроения не затронули сферу образования мусульманской молодежи, если оно пользуется западными методиками?

Для этого нет никаких оснований. За исключением особенно одаренных студентов, которые способны выделить из предмета обучения его суть и овладеть ею, в большинстве случаев западное образование стирает веру в Послание Пророка и желание молодых людей считать себя представителями мусульманской цивилизации, основанной на религиозных принципах. Религиозное рвение становится все слабее и слабее в среде нашей «интеллигенции», которая насквозь пропиталась духом западных ценностей. Из этого не следует, разумеется, что в среде необразованных слоев населения Ислам сохранился как практикуемая религия в чистом виде, и, тем не менее, там гораздо чаще можно встретить более внимательное отношение к призывам Ислама, – хотя и на более примитивном уровне, – нежели в среде вестернизированной «интеллигенции». Отход от Ислама объясняется вовсе не тем, что западная наука, к которой мы приобщаемся, представила серьезные аргументы против истинности

нашего религиозного учения, но тем, что интеллектуальная атмосфера современного Западного общества так интенсивно антирелигиозна, что давит собой на молодое поколение мусульман, лишая его возможности духовно развиваться.

Верить или не верить – об этом, как правило, не спорят. Иногда к одному из этих путей приходят интуитивно, но чаще они передаются человеку через его культурное окружение. Представьте себе ребенка, которому с первых дней систематически дают слушать прекрасную музыку. Его ухо постепенно научается различать тон, ритм и мелодию, а позднее он сможет если не исполнять сам, то, по крайней мере, *понимать* даже самую сложную музыку. Ребенок же, который в детстве никогда не слышал ничего похожего на музыку, впоследствии едва ли сможет оценить ее качества. То же самое происходит и с религиозными воззрениями. Так же как есть отдельные люди, которым природа отказала в музыкальном слухе, так же, теоретически, есть люди абсолютно «глухие» к зову религии. Однако для подавляющего большинства нормальных людей выбор между верой и неверием предопределяется атмосферой, в которой они воспитывались. Пророк сказал: «Каждый ребенок рождается в первоначальной чистоте; «иудеем», «христианином» или «зороастрийцем» его делают его родители» (*Сахих ал-Бухари*).[8]

Значение слова «родители» в приведенном выше хадисе вполне можно распространить и на окружение в целом – семью, школу, общество и т. д., –которое влияет на раннее развитие ребенка. Нельзя отрицать, что при

---

[8] Термин *фитрах*, переведенный здесь как «первоначальная чистота», обозначает, прежде всего, «первоначальное состояние», или «природу», любого разумного существа. В более широком смысле под ним понимается сознание Бога и Его единства (см. *Лисан ал-Араб*, *Тадж ал-Арус* и др.), которым каждый человек наделен от рождения. (См. Суру 30:30 и примечание 27 на стр. 621 «*Послания Корана*», а также Суру 7:172 и примечание 139 на стр. 230 того же издания.) В последствии Ислам часто называли *религией фитраха*, имея в виду, что он полностью отвечает исконной, врожденной природе человеческой души.

нынешнем упадке в целом религиозная атмосфера во многих мусульманских семьях характеризуется таким низким интеллектуальным уровнем, что может вызвать у юных мусульман первые позывы отказаться от своей религии. Если же впоследствии молодые мусульмане получат европейское образование, то, скорее всего, результатом будет их полное неприятие религии.

Таким образом, встает очень важный вопрос: как мы должны относиться к современному образованию?

Протест против европейского образования ни в коем случае не означает, что Ислам против образования вообще. Если наши оппоненты утверждают подобное, то для этого нет ни теологических, ни исторических оснований. В Коране многократно встречается призыв учиться, «чтобы стать мудрыми», «чтобы думать», «чтобы знать». В самом начале Священной Книги сказано:

﴾*И научил Он Адама всем именам*﴿ (*Сура* 2:31), а следующие аяты дают понять, что благодаря данному Аллахом знанию этих «имен», человек в определенном отношении ставится даже выше ангелов. «Имена» – это символическое обозначение способности различать слова и выражать то, что думаешь, которая отличает человека и делает его, согласно Корану, наместником Аллаха на Земле. А для того, чтобы правильно мыслить, человек должен учиться, и об этом Пророк сказал: «Стремление к знаниям – это священная обязанность (*фари'да*) каждого мусульманина, мужчины или женщины» (*Ибн Маджах*). А также: «Если кто-то идет своим путем в поисках знаний, Бог облегчит ему путь в Рай» (*Сахих Муслим*). И еще: «Превосходство образованного человека над просто совершающим культ подобно превосходству полной луны над всеми прочими звездами» (*Муснад Ибн Ханбал, Джами' ат-Тирмизи, Сунан Аби Дауд, Сунан Ибн Маджах, Сунан ад-Дарими*).

Однако не обязательно даже ссылаться на коранические аяты или высказывания Пророка, чтобы доказать

важность образования в Исламе. Ни одна религия не сравнится с Исламом в поощрении научного прогресса на всем протяжении своей истории. Благодаря тому, что мусульманские богословы поддерживали образование и научные исследования, стали возможными блестящие достижения эпохи омейадов, аббасидов и арабского правления на Сицилии и в Испании. Я упоминаю об этом не для того, чтобы мы предались воспоминаниям о былой славе и испытали чувство гордости, окруженные духовной слепотой и интеллектуальной нищетой сегодняшнего Мусульманского мира, который отказался от своих традиций. Находясь в бедственном положении, мы не имеем права гордиться прошлым. Напротив, мы должны осознать, что причина нынешнего упадка кроется в порочности самих мусульман, а вовсе не в ущербность учения Ислама.

Ислам никогда не препятствовал прогрессу и науке. Он ценит интеллектуальную деятельность так высоко, что ставит человека выше ангелов. Ни одна религия не настаивала так сильно на доминировании разума, а, следовательно, и познания над всеми прочими проявлениями человеческой жизни. Если мы подчиняемся принципам этой религии, не может быть и речи об устранении образования из нашей жизни. Мы *должны* хотеть учиться, развиваться и стать такими же состоятельными в сфере науки и экономики, как западные народы. Единственная вещь, которой мусульмане *должны избегать*, – это видение мира западными глазами, мышление западными образами: они не должны стремиться, если хотят остаться мусульманами, обменять духовность Ислама на материализм Запада, капиталистического ли или марксистского.

Само по себе знание не является ни западным, ни восточным: оно универсально, так же как универсальны природные явления. Однако угол зрения, по которым можно смотреть на эти явления, различается в зависимости от особенностей культуры конкретного народа. Ни биология, ни физика, ни ботаника, как таковые, не яв-

ляются ни материалистичными, ни духовными по своему содержанию и задачам, которые они ставят; они наблюдают, фиксируют и описывают явления, а затем на основе полученных данных выводят общие правила. Что касается заключений из области философии науки, которые делаются на базе конкретных наук, то они опираются уже не только на факты и наблюдения, но в большой мере зависят от исходного интуитивного отношения к жизни и ее проблемам. Великий немецкий философ Кант заметил, что: «Наш разум не выводит *из* наблюдаемого явления заключение о его свойствах, но, наоборот, приписывает их *ему*. Это поначалу кажется странным, но, тем не менее, это так». Иными словами, имеет значение только субъективный угол зрения, потому что он может в корне повлиять на нашу интерпретацию различных явлений.

Таким образом, наука, не будучи ни материалистической, ни духовной по своей сути, может дать нам очень широкий спектр интерпретаций Вселенной, духовных или материалистических в зависимости от нашей собственной предрасположенности и угла зрения. Запад, несмотря на свой утонченный интеллект, склонен к материализму и потому антирелигиозен в своих понятиях и фундаментальных предпосылках. Соответственно, и образовательная система имеет там антирелигиозную направленность. Иными словами, реальности мусульманской культуры угрожает, по всей видимости, не изучение современной эмпирической науки, а атмосфера, царящая на Западе, в которой мусульмане воспринимают эту науку.

К несчастью, наша собственная длительная пассивность и нерадивость в отношении всего, что касается научных исследований, сделали нас крайне зависимыми от западных источников знания. Если бы мы всегда придерживались принципа Ислама, который налагает на каждого мусульманина, мужчина то или женщина, обязанность стремиться к знаниям, мы бы сегодня не выпрашивали у

Запада современные достижения с видом умирающего от жажды человека, которому мерещится вода на горизонте. Мусульмане так долго пренебрегали своими возможностями, что в результате погрязли в невежестве и бедности, в то время как Европа совершила огромный скачок вперед. Чтобы преодолеть это отставание понадобится много времени. До тех пор мы, естественно, будем вынуждены перенимать западную науку получать западное образование и еще быть за это благодарны. Однако можно ведь перенимать научные данные и методы исследования и не более того. Иными словами, мы должны без колебаний пользоваться западными методами изучения точных наук, но при этом не допускать, чтобы западная *философия* оказывала влияние на мусульманскую молодежь.

Кто-то может возразить на это, что в настоящее время многие точные науки, например, ядерная физика, вышли за пределы чисто эмпирического исследования и затрагивают в том числе философские вопросы, и что часто очень трудно провести четкую линию между эмпирической наукой и умозрительной философией. Да, это так. Но, с другой стороны, именно такая ситуация дает шанс заявить о себе мусульманской культуре. Когда однажды мусульманские ученые достигнут этой пограничной линии в своих научных изысканиях, они должны будут воспользоваться способностями своего собственного абстрактного мышления, не опираясь при этом на западные философские теории. Со своей, мусульманской, точки зрения они, возможно, придут к заключениям, отличным от выводов большинства современных западных ученых.

Однако, что бы ни произошло в будущем, решительно необходимо уже сегодня заниматься наукой и преподавать ее, не раболепствуя при этом перед западным интеллектом. Сегодня Исламскому миру нужна не новая философия, а исключительно современное образование и техническое оснащение.

Если бы меня попросили составить идеальный образовательный план, согласующийся с принципами Ислама, я бы предложил из всех интеллектуальных достижений Запада оставить в мусульманских школах только естественные науки (с поправками, о которых говорилось выше) и математику и убрать из нынешних учебных планов повышенное внимание к европейской философии, литературе и истории. Мое отношение к европейской философии должно быть понятно из сказанного выше. Что касается европейской литературы, то ее не следует, конечно, игнорировать, но и преувеличивать ее филологическую и историческую значимость тоже не нужно. То, как она преподается сейчас во многих мусульманских странах, откровенно говоря, не адекватно. Излишнее внимание к западным ценностям и концептам естественным образом способствует тому, что молодые и неокрепшие умы впитывают дух Западной цивилизации, не успев познать ее негативные стороны. Таким образом, подготавливается почва не просто для платонического преклонения молодого человека перед западными идеалами, но также для его подражания социальному поведению, которое не совместимо с духом Ислама. Место, которое европейская литература занимает сейчас в мусульманских школах, должно быть отдано литературе мусульманской. Выбор изучаемых произведений должен быть тщательно продуман с той целью, чтобы учащийся мог ощутить всю глубину и богатство собственной культуры и поверить, что у нее есть будущее.

Если обучение европейской литературе в той форме, в которой оно преобладает сегодня во многих мусульманских учебных заведениях, способствует отвращению молодых мусульман от Ислама, то же самое, только в гораздо большей степени, верно и в том, что касается западной интерпретации мировой истории. Запад воспринимает себя участником исторического противостояния «римлян и варваров». То, как западные историки представляют историю имеет целью, – хоть они и будут это

отрицать, – доказать превосходство западной расы и цивилизации над всеми остальными. Такое превосходство оправдывало бы в какой-то мере стремление Запада доминировать во всем мире. Еще с римских времен европейцы привыкли смотреть на все различия между Западом и Востоком через призму европейского «стандарта». Они не видят иного способа судить о судьбах человечества, как только отталкиваясь от собственного культурного опыта. Такой узкий подход неизбежно дает искаженную картину, и чем сильнее отклонение реальности от европейского «стандарта», тем труднее людям на Западе понять истинное содержание и характер исторических проблем.

Учитывая эгоцентричный подход Запада к описанию хода мировой истории, в его трудах она представала, по крайней мере, до последнего времени, не более чем расширенной историей Западного мира. Прочие народы упоминались в ней только в связи с теми событиями, когда они напрямую влияли на судьбы Европы и Америки. История западных народов описывается очень подробно, в ярких красках, в то время как другие регионы мира намечены легким пунктиром, и у читателя возникнет иллюзия, что достижения в социальной и интеллектуальной сферах на Западе и в остальном мире просто несопоставимы. Создается впечатление, что весь мир был создан единственно ради Запада и его цивилизации, а все прочие культуры нужны лишь для того, чтобы оттенять собой его величие. Подобные исторические эксперименты не вызывают ничего, кроме чувства неполноценности у молодых не-европейцев в том, что касается их собственной культуры, ее исторического прошлого и потенциального развития в будущем. У них систематически вырабатывается убеждение, что только следование западным идеалам может обеспечить им достойное будущее.

Для того, чтобы нейтрализовать действие этих негативных факторов, мусульманские идеологи, ответственные за образование, должны сделать все возможное и

пересмотреть программу преподавания истории в мусульманских учебных заведениях. Без сомнения, задача трудная и потребует капитальной реконструкции нашего исторического образования, прежде чем мы получим новое описание мировой истории, как ее видят мусульмане. Однако, как бы ни была трудна эта задача, она, тем не менее, реальна и обязана быть воплощена в жизнь; в противном случае наше новое поколение также заразится западным духом презрения к Исламу и, как следствие, усугубится их комплекс неполноценности. Избавиться от него можно, конечно, и *полностью* ассимилировав западную культуру и отказавшись от Ислама. Но готовы ли мусульмане к этому?

Мы верим, – и происходящее на Западе в последнее время подкрепляет нашу веру, – что нравственность, принципы социальной и личной этики, понятия справедливости и свободы в Исламе гораздо совершеннее, чем аналогичные принципы и идеи Западной цивилизации. Ислам осуждает расовую ненависть и пропагандирует идеи братства и равенства; Западная же цивилизация все еще не готова отбросить груз расовых и национальных противоречий. Мусульманское общество никогда не знало классовой раздробленности и классовой борьбы; вся западная история, начиная с Древней Греции и Рима и кончая нашими днями, напротив, пестрит конфликтами между разными слоями общества.

И снова мне хочется повторить, что единственное, что мусульманам полезно перенять у Запада, – это точные науки в их теоретической и прикладной форме. При этом необходимость заимствовать науку из западных источников не должна создавать у мусульман впечатления, что Западная цивилизация лучше их собственной. Превосходство одной культуры или цивилизации над другой состоит не в обладании большим научным знанием (хотя к этому и стремятся больше всего), но во внутренней силе и способности лучшим образом скоординировать различные аспекты человеческой жизни. В этом отношении

Ислам превосходит все остальные культуры. Нам нужно только подчиняться его законам, и тогда мы достигнем максимума того, чего в принципе может достичь человек. И если мы хотим сохранить и возродить ценности Ислама, то ни в коем случае не должны *подражать* Западной цивилизации. Вред, который ее влияние может нанести сущности Ислама, гораздо больше, нежели возможная материальная польза.

Ошибку, которую совершили мусульмане, не уделяя должного внимания научным изысканиям, нельзя исправить тупым перенесением западного знания на нашу почву. Эффект, который бездумное заимствование западных образовательных моделей неизбежно произведет на духовный потенциал Мусульманского мира, выразится в еще худших явлениях, нежели нынешняя научная отсталость и нищета. Если мы хотим сохранить культуру Ислама, мы должны оградиться от пустоты, которую Западная цивилизация уже принесла в индивидуальное сознание каждого и во все наше общество в целом. Подражая западным поведенческим схемам и образу жизни, мусульмане постепенно приобретают и западный моральный облик, поскольку имитация человеком внешних проявлений чуждого мировоззрения со временем отражается и на его собственном мировоззрении.

О подражании

Подражание конкретного мусульманина или всего общества западным образцам – это, без сомнения, самая большая угроза существованию, или, скорее, возрождению, Исламской цивилизации. Корни этой болезни (трудно назвать ее иначе) уходят в период нескольких десятилетий назад и связаны с разочарованием, которое испытали мусульмане, увидев материальную силу и прогресс Запада и сравнив его с собственным плачевным положением. Мусульмане забыли то, чему учит Ислам на самом *деле*, главным образом, из-за невежественности класса так называемых *улемов*, и тогда возникла идея, что мусульмане не смогут догнать остальной мир, если не подчинятся социальным и экономическим правилам, диктуемым Западом. Мусульманский мир находится в периоде стагнации, и это позволяет многим мусульманам сделать поспешный вывод о том, что, предписываемый Исламом, общественный и экономический уклад не соответствует требованиям прогресса, а, следовательно, должен быть заменен западными образцами.

Эти «просвещенные» мусульмане не дали себе труда посмотреть, а насколько Ислам как учение повинен в мусульманском декадансе; они не постарались вникнуть в *настоящую* идеологию Ислама. Они заметили только, что то, к чему призывают современные богословы, в большинстве случаев является помехой на пути прогресса и материальных достижений. Однако, вместо того, чтобы обратиться к первоисточникам – Корану и Сунне – они, не задумываясь, идентифицировали Мусульманское законодательство, *шариат,* с архаичным богословием, *фикхом*. Увидев беспомощность последнего, они, естественно, потеряли всякий практический интерес и к шариату и отнесли его к сфере истории и чисто теоретического

книжного знания. В то же время подражание западным образцам показалось им единственным путем выхода из кризиса, в котором находится Мусульманский мир. Их намерения были благими, но они направили свои усилия не туда, куда следует. Цитируя второсортные творения апологетов Ислама и открыто отрицая при этом существование практического учения в Исламе, на протяжении двух первых десятилетий XX века они пытались доказать, что его идеология вполне может быть приспособлена к системе социальных и экономических понятий Западного мира. Таким образом, они оправдывали копирование мусульманами западных образцов, и прокладывали дорогу для постепенного отречения от базовых принципов Ислама. Все это проделывалось под лозунгами мусульманского «прогресса» и очень характерно для развития некоторых из наиболее продвинутых мусульманских стран.

Большинство представителей мусульманской «интеллигенции» утверждают, что для нашего духовного развития не важно, как мы живем, носим ли западную одежду или одеяние предков, придерживаемся обычаев или нет. Это не так. Конечно, Ислам никоим образом не ограничивает человеческое мышление. Как уже было сказано в первой главе, Ислам предоставляет человеку очень широкий спектр возможностей, но до тех пор, пока его поступки не идут вразрез с религиозными предписаниями. Многое из того, характерно для западного общества, как, например, свободные, ничем не контролируемые отношения между полами или капитал как главная цель экономической жизнедеятельности человека[9], полностью противоречит принципам Ислама. Кроме того, характер

[9] Что касается полной сексуальной вседозволенности, безнаказанности и распущенности, охватившей Западное общество в последние десятилетия, то позиция исламской нравственности в этом вопросе очевидна и не требует дальнейших комментариев. Относительно взимания процентов (*риба*) как обычного явления современной экономической жизни следует заметить, что за последние годы мусульманское сообщество сделало ряд значительных шагов к внедрению беспроцентного кредитования, а также в целом экономической системы, которая соответствовала бы нормам *шариата*.

Западной цивилизации не допускает развития у человека *религиозного мировоззрения.* Крайне легкомысленно полагать, что можно перенять у цивилизации ее внешние проявления и при этом не подвергнуться влиянию ее внутреннего содержания. Цивилизация – это не пустая оболочка, но живой организм. Нам стоит только начать перенимать внешние признаки этого организма, как его внутренние потоки и силы, толкающие его вперед, начнут работать внутри нас самих и медленно, незаметно трансформировать наше сознание.

Об этой истине прекрасно сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует: «Кто бы ни подражал другим людям, становится одним из них» (*Муснад Ибн Ханбал, Сунан Аби Дауд*). В этом хорошо известном *хадисе* содержится не только предостережение, но и объективная констатация факта, в данном случае факта нежизнеспособности мусульман, если они будут ассимилированы немусульманской цивилизацией, которой внешне подражают.

Не может быть «важных» или «неважных» аспектов жизни в обществе. В этом смысле важно все. Было бы большой ошибкой полагать, что, например, одежда – это чисто «внешний» элемент и не играет, следовательно, никакой роли в формировании интеллектуального или духовного самосознания человека. Одежда – это общий итог многолетней истории развития человеческих предпочтений и потребностей. Ее фасон соответствует понятию об эстетике группы людей. Она постоянно обновляется по мере изменения нравов и предпочтений носящих ее людей. Так, например, сегодняшняя западная мода напрямую зависит особенностей интеллектуального развития и нравственного уклада современного Запада. Надевая западное платье вместо своего, традиционного, мусульманин неосознанно перенимает и вкусы, присущие Западу. Его собственное Я трансформируется таким образом, что, в конце концов, *приспосабливается* к новому одеянию. Поступая так, мусульманин отказывается от

широкого спектра возможностей, предоставленных его собственному народу, от его традиционных предпочтений и антипатий, и отдает свой интеллект и нравственность в крепостную зависимость от чужой цивилизации. Другими словами, если мусульманин подражает Западу в одежде, манерах и образе жизни, он выдает, тем самым, свое преклонение перед Западной цивилизацией, что бы он при этом ни говорил. Невозможно подражать другой цивилизации, не испытывая пиетета перед ее внутренним содержанием. Соответственно, невозможно преклоняться перед внутренним содержанием цивилизации, которая препятствует религиозному взгляду на жизнь, и при том оставаться хорошим мусульманином. [10]

Тенденция подражать другим цивилизациям является следствием чувства собственной неполноценности. Мусульмане испытывают это чувство и подражают Западной цивилизации. Они сравнивают ее мощь, уровень развития интеллекта и блестящий внешний облик с нищетой Исламского мира, и начинают верить, что в наши дни не может быть иного пути, кроме западного. Сваливать вину за наши собственные недостатки на Ислам очень характерно для наших дней. Так называемые интеллектуалы среди мусульман, оправдывая Ислам, убеждают себя и других, что он вполне приемлет адаптацию западных ценностей.

Чтобы добиться возрождения Исламского мира, мусульмане должны, прежде чем что-то реформировать, перестать быть недовольными своей религией и общест-

---

[10] Здесь также следует напомнить, что книга была написана почти полвека назад. В то время мусульманское сообщество еще могло сохранять традиционные элементы в одежде и внешнем облике так, чтобы визуально отличаться от западного общества и подчеркивать достоинство своей культуры. Однако за прошедший период Исламский мир уже так сильно пропитался западной эстетикой, что в результате многие мусульмане, особенно из числа интеллигенции, уже не способны вернуться обратно. Попытка возродить сегодня стиль одежды и внешний облик прошлых поколений была бы в их случае не более чем еще одним актом подражания, теперь уже подражания мертвому прошлому, которое нельзя вернуть.

венным строем. Нужно жить с высоко поднятой головой. Нужно осознать, что мы *отличаемся* от всего остального мира, и научиться гордиться этим. Это качество мы обязаны беречь как большую ценность, и смело афишировать его, вместо того чтобы оправдываться и пытаться слиться с другими культурными образованиями. Это вовсе не означает, что мусульмане должны изолировать себя от любого проникновения извне. Заимствование позитивного знания у других цивилизаций не обязательно требует предательства своей. Примером может служить эпоха европейского Ренессанса. Европа с большим энтузиазмом поддалась арабскому влиянию в том, что касается содержания и методов исследования, никогда не перенимала внешние признаки и внутреннее содержание арабской культуры и никогда не жертвовала своим собственным интеллектуальным процессом и эстетикой. Она воспользовалась арабской культурой только как удобрением, так же как это сделали в свое время арабы с культурой эллинистической. В обоих случаях результатом стало духовное обогащение и скачок в росте заимствующей цивилизации, гордой и уверенной в себе. Процветание, да и вообще существование цивилизации невозможно, если нет такой гордости и памяти о собственном прошлом.

Мир Ислама, с его усиливающейся тенденцией подражать Западу и ассимилировать западные образцы и идеалы, постепенно обрывает нити, связывающие его с прошлым, и как следствие, утрачивает свои не только культурные, но и духовные корни. Он подобен дереву, которое было сильным, пока сидело корнями глубоко в земле. Однако горный поток Западной цивилизации размыл почву и обнажил его корни, и дерево медленно увядает, потому что ему неоткуда брать силы. Листья падают, ветви засыхают. И вот уже ствол на грани разрушения…

Копирование западных образцов ни в коем случае не может быть правильным методом для вывода Исламского

мира из состояния оцепенения, вызванного низведением религиозной практики до уровня привычки, лишенной всякой связи с реальной жизнью и способности оказывать влияние на нравственные устои общества. Тогда где искать мусульманам тот духовный и интеллектуальный импульс, который им сейчас так необходим?

Ответ прост и содержится в самом вопросе. Ислам, как я уже много раз подчеркивал, это не просто «вероучение», но также очень четкая схема организации личной и общественной жизни человека. Ассимиляция чужой культуры, основанной на иных моральных принципах, может разрушить эту конструкцию. Если же ее вернут к жизни и оценят как руководство к действию во всех аспектах жизнедеятельности человека, то она только окрепнет.

Находясь под воздействием новых идей и конфликтующих друг с другом течений, Ислам в наше время больше не может позволить себе внутренней пустоты. Много столетий он спал, а теперь должен либо подняться, либо умереть. Проблема, стоящая сейчас перед мусульманами, – это проблема путника, оказавшегося на перекрестке. Он может остаться там, где он есть, и умереть от голода. Может выбрать путь, над которым висит указатель «к Западной цивилизации», и тогда будет вынужден навсегда забыть о своем прошлом. Или же он может выбрать другой путь, путь «к настоящему Исламу». Только этот путь возможен для тех, кто помнит о своем прошлом и верит в будущее.

Хадисы и Сунна

За последние десятилетия выдвигалось множество проектов реформирования Ислама, сотни врачевателей пытались изобрести специальное лекарство для его измученного больного тела. Но до сих пор все усилия тщетны, потому что эти мудрые доктора, по крайней мере, те, чьи имена сегодня у всех на слуху, все как один забывают прописать наряду с лекарствами, мазями и эликсирами нормальную диету, благодаря которой началось бы выздоровление пациента. Единственной диетой, полезной для организма Ислама, здорового ли или больного, является Сунна Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. Сунна – это ключ к пониманию причин подъема Ислама более 13-ти веков назад. Так почему же ей не быть ключом к осмыслению сегодняшнего его упадка? Следовать Сунне – это и значит быть прогрессивными мусульманами. Отступать от нее – значит, способствовать разложению и упадку Ислама. Сунна – это стальной каркас всей конструкции Ислама. Если лишить здание каркаса, стоит ли удивляться тому, что оно рухнет как карточный домик?

Эта простая логика, которой на протяжении мусульманской истории придерживались почти все ученые, сейчас, как мы знаем, крайне непопулярна, и это связано с постоянно растущим влиянием Западной цивилизации. Тем не менее, это единственная логика, которая способна вывести нас из нынешнего состояния хаоса и позора.

Термин *Сунна* я использую здесь в широком значении как пример, поданный нам Пророком, да благословит его Аллах и приветствует, своим поведением и словами. Его прекрасная жизнь была живой иллюстрацией и толкованием смыслов Корана, и нет способа сильнее выразить наше почтение перед Священной Книгой, нежели

пользоваться руководством того, через кого она была ниспослана.[11]

Мы уже отмечали, что одно из главных достижений Ислама, которое отличает его от всех прочих трансцендентных учений, заключается в полной гармонии между моральными и материальными аспектами человеческой жизни. В частности благодаря этому Ислам во времена его расцвета встречали с энтузиазмом везде, куда бы не приходил. Он донес до людей весть о том, что вовсе не обязательно презирать земную жизнь, чтобы попасть в рай. Именно поэтому Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, выполняя свою миссию человека, ведущего все остальное человечество, очень большое внимание уделял как духовной стороне его жизни, так и материальной. Следовательно, и тот, кто не придает должного значения предписаниям Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, касающимся чисто религиозных и духовных вопросов, и тот, кто игнорирует те из них, которые имеют отношение к общественной и повседневной жизни, оба демонстрируют тем самым свое глубинное непонимание Ислама. Предположение о том, что обязательны для исполнения только предписания первого типа, а второго нет, не имеет никаких оснований и проти-

---

[11] Я хотел бы подчеркнуть, что понятие Сунны Пророка было неоправданно расширено учеными постклассического периода Ислама. Его исконное и единственно верное толкование – это «жизнеописание» Посланника Бога. Прежде всего, это примеры высказывания Пророком своего отношения к разнообразным проблемам, которые возникали у *конкретного* человека в его личной жизни или общественной, и их оценки с точки зрения нравственности и морали. Во-вторых, Сунна включает рекомендации Пророка, как разрешающие, так и запрещающие, которые касаются *общих* правил поведения человека в социуме. Предписания, данные Посланником Бога в связи с конкретными историческими событиями или ситуациями, привязанными ко времени, в Сунну не включаются. В-третьих, Сунна содержит оценочные высказывания Пророка о том, что что-то «хорошо», а что-то «плохо», которые вышли за рамки конкретной ситуации и применяются в самых разнообразных обстоятельствах. Если мы не будем четко представлять себе это деление Сунны Пророка на три части, мы рискуем ошибиться в ее применении и, таким образом, лишить второй источник Исламского Законодательства после Корана его божественного характера.

воречит Исламу. Точно так же абсурдно думать, что некоторые коранические тексты были предназначены специально для невежественных арабов современников Пророка, но не для образованных людей XX столетия. Это просто недооценка миссии Арабского Пророка, да благословит его Аллах и приветствует.

Всякий мусульманин в своей жизни должен стремиться к полной гармонии между телом и душой. Пример нашего Пророка, да благословит его Аллах и приветствует говорит о том, что жизнь – это сложное целое, состоящее из множества индивидуальных и общественных проявлений. В этом заключается глубинный смысл Сунны. Коран гласит:

﴿Но нет – клянусь твоим Господом! – они не уверуют, пока они не изберут тебя судьей во всем том, что запутано между ними, не перестанут испытывать в душе стеснение от твоего решения и не подчинятся полностью﴾ (*Сура* 4:65). И еще:

﴿*Скажи: «Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, будет любить вас тогда Аллах и простит вам ваши грехи» – поистине, Аллах – прощающий, милосердный. Скажи: «Повинуйтесь Аллаху и посланнику!...*﴾ (*Сура* 3:31-32).

Сунна Пророка, да благословит его Аллах и приветствует является вторым после Корана, источником Исламского Законодательства. На самом деле, нам следует рассматривать Сунну как единственное неоспоримое толкование коранических текстов и единственное средство для разрешения постоянно возникающих споров по поводу их интерпретаций и применения в практической жизни. Многие коранические аяты имеют характер аллегорий и могут быть поняты по-разному. Кроме того, есть ряд очень важных практических вопросов, на которые не находится очевидного ответа в Коране. Священная Книга постулирует одни и те же принципы для всех аспектов человеческой жизни, но вывести из нее рекомендации

для каждого конкретного случая бывает непросто. Как скоро мы считаем Коран Словом Бога, совершенным по форме и содержанию, отсюда естественным образом следует, что с самого начала предполагалось его подкрепление примерами из жизни Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, которые систематично описаны в Сунне. Наша логика подсказывает нам, что нет и не может быть лучшего толкователя учения Корана, чем тот, через кого он был ниспослан человечеству.

Здесь мы подходим к очень важному вопросу *достоверности источников*, через которые до нас дошло описание жизни Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и его слова. Этими источниками являются *хадисы,* рассказы о том, что говорил и делал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, переданные через его Сподвижников и подвергнутые критическому отбору в первых веках Хиджры. Многие современные мусульмане заявляют, что с готовностью следовали бы Сунне, если бы были уверены в надежности *хадисов*, на которые она опирается. В наши дни принято сомневаться в достоверности большинства *хадисов* а, следовательно, и всей Сунны в целом.

Оправдано ли это с научной точки зрения? Если ли на самом деле повод отрицать *хадисы* как источник Исламского Законодательства?

Казалось бы, должен был наступить тот день, когда противники ортодоксального Ислама предложили бы по-настоящему убедительные аргументы, которые раз и навсегда опровергли бы достоверность Преданий из жизни Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. Однако этого не произошло. Несмотря на все попытки оспорить надежность хадисов как таковых, современные критики, как восточные, так и западные, оказались не в состоянии подкрепить свое чисто субъективное мнение результатами объективного научного исследования. Это очень непростая задача, если учесть, что составители ранних собраний хадисов, в частности Бухари и Муслим,

сделали все возможное, чтобы подвергнуть каждое Предание тесту на правдивость, причем гораздо более суровому, чем те тесты, которые обычно применяют западные историки к историческим документам.

Подробный рассказ о скрупулезном методе, с помощью которого ранние *мухаддисы* – ученые люди, посвятившие всю свою жизнь изучению хадисов, проверяли их надежность, я оставляю за рамками данной книги. Скажу только, что была создана целая наука, единственной задачей которой было открытие смыслов, текстов и путей передачи хадисов. Историческому ответвлению этой науки удалось восстановить непрерывную цепочку всех персоналий, которые когда-либо упоминались в качестве передатчиков хадисов. Биографии этих людей, мужчин и женщин, были подвергнуты тщательному исследованию со всех точек зрения, и среди них надежными были признаны только те, чья жизнь, а также путь, по которому они получили и передали дальше хадисы, полностью соответствовали крайне высоким стандартам, установленным великими *мухаддисами*. Если же кто-то желает опровергнуть достоверность какого-либо их хадисов или все собрание в целом сегодня, то бремя поиска тому доказательств ложиться на него одного. С точки зрения науки, абсолютно недопустимо подвергать сомнению достоверность исторического источника, если ты не готов *доказать* обратное. Если не найдено логических, иначе говоря, научных, аргументов в пользу поддельности источника или одного или нескольких его предполагаемых рассказчиков и если, с другой стороны, нет свидетельств того, что события складывались иным образом, тогда мы вынуждены признать Предание подлинным.

Представьте себе, например, ситуацию, когда кто-то рассказывает о войнах Махмуда Газневи в Индии, в вы вдруг встаете и говорите: «Я не верю, что Махмуд был в Индии. Это легенда, за которой не стоят исторические факты.» Что тогда произойдет? Те, кто хорошо знают историю, тут же начнут опровергать ваши слова и, цитируя

хроники и исторические трактаты, основанные на свидетельствах современников знаменитого султана, докажут вам, что Махмуд *был* в Индии. Вы будете вынуждены признать свою ошибку, иначе на вас будут смотреть, как на чудака, который без особых на то оснований отрицает исторические факты. Если это так, то почему такая же логика не используется современными критиками, когда они подходят к проблеме хадисов?

Причиной появления неточности в хадисе могло быть, во-первых, преднамеренное искажение первоисточника, и виноват в этом мог быть один из Сподвижников Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, или кто-то из более поздних рассказчиков хадисов. Что касается его Сподвижников, то такую возможность следует исключить с самого начала. Не нужно хорошо разбираться в психологии, чтобы понять, что подобное предположение абсолютно невероятно. Огромное влияние, которое личность Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, оказывала на этих мужчин и женщин, исключительный факт в человеческой истории и ему есть множество документальных подтверждений. Можно ли представить, чтобы люди, которые по одному слову Посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, готовы были пожертвовать собой и всем, что имели, могли намеренно исказить его слова? Разве Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, не сказал: «Кто будет умышленно говорить неправду обо мне, место того в Аду»? (См. *Сахих ал-Бухари, Сунан Аби Дауд, Джами ат-Тирмиди, Сунан Ибн Маджах, Сунан ад-Дарими, Муснад Ибн Ханбал*). Сподвижники Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, знали это и безоговорочно верили его словам. Так возможно ли, с точки зрения психологии, чтобы они пренебрегли таким ясным указанием?

Первый вопрос, который судья задает на судебном заседании – *cui bono*, то есть ради кого, в чью пользу, было совершено преступление. Точно также можно подойти и к проблеме хадисов. За исключением Преданий,

которые касаются конкретных персоналий или групп людей, а также очевидно поддельных и отвергаемых большинством *мухаддисов* Преданий, которые обязаны своим появлением амбициям различных политических группировок в первом веке Хиджры, нет оснований полагать, чтобы кому-либо было выгодно переиначивать слова Пророка. Как раз потому, что некоторые хадисы могли быть выдуманы в угоду чьим-то личным интересам, два главных авторитета среди собирателей Преданий – Бухари и Муслим – исключили из своих собраний все Предания, касающиеся политики. Те же, что были оставлены, в этом смысле вне подозрения.

Есть еще одно обстоятельство, которое могло повлиять на достоверность дошедшего до нас хадиса. Вполне могло случиться так, что кто-то из Сподвижников Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, услышал хадис из его собственных уст или от кого-либо еще и, не имея намерения солгать, тем не менее, ошибся, передавая его дальше. Либо он неправильно понял слова Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, либо память его подвела, либо была другая причина психологического характера. Однако внутренний голос подсказывает мне, что подобные ошибки маловероятны, по крайне мере, по вине Сподвижников Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. Для людей, которые его окружали, каждое его слово и каждый поступок имели огромное значение, не только потому, что велик был авторитет его личности, но также благодаря их несокрушимой вере в то, что Аллах повелевает им жить под руководством Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и следовать его личному примеру. Они просто не могли обращаться с его высказываниями произвольно. Напротив, они старались запечатлеть их в своей памяти, даже если это доставляло им большие неудобства. Есть свидетельства о том, что Сподвижники Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, которые были приближены к нему, образовывали между собой пары и сме-

няли друг друга на посту возле него, чтобы успевать заниматься своими собственными делами. Все, что они слышали или видели из того, что делал их Учитель, они рассказывали друг другу: так боялись, что что-то может ускользнуть от их внимания. Маловероятно, что при таком отношении к делу они могли допустить небрежность в передаче текстов хадисов. Если сотни из них могли держать в памяти текст всего Корана, вплоть до последней буквы, то нет сомнения в том, что они и их последователи были в состоянии запомнить отдельные высказывания Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, ничего к ним не прибавив и не убавив от них.

Более того, собиратели Преданий приписывают полную достоверность только тем хадисам, которые дошли в одной и той же форме по разным цепочкам рассказчиков. И даже этого им было не достаточно. Для того чтобы хадис был признан достоверным, нужны были независимые друг от друга свидетельства, по крайней мере, двух рассказчиков из каждого звена цепочки. Таким образом, исключается вероятность попадания хадиса на каком-либо из этапов в зависимость от одного человека. Этот тест применялся настолько жестко, что для хадиса, который прошел, скажем, три «поколения» от Сподвижника Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, до собирателя хадисов, требовалось вовлечение около двух десятков персонажей и даже более из всех трех «поколений».

Вместе с тем, мусульмане никогда не равняли по достоверности Предания и Коран. К хадисам всегда относились критически. Тот факт, что некоторые из хадисов могут быть поддельны, не ускользнул от внимания мухаддисов, как наивно полагают не-мусульмане и даже некоторые мусульманские критики. Напротив, исследование хадисов и было начато в свое время с целью отличить достоверные хадисы от поддельных, а имамы Бухари и Муслим, не говоря уже о менее значительных собирателях Преданий, иначе и не стали бы теми, кем они стали.

Таким образом, существование поддельных хадисов, является доказательством порочности всего института хадисов не более, чем фантастическая сказка из «Тысячи и одной ночи» аргументом, опровергающим историческое свидетельство своей эпохи.

До сегодняшнего дня ни один критик не смог предоставить последовательного доказательства того, что текст хадиса, который выдержал тест на достоверность главных собирателей Преданий, не достоверен. Отрицание таких хадисов, по отдельности или в целом, это чисто эмоциональное реакция, не оправданная результатами непредвзятого научного исследования. Однако причину такой негативной реакции, даже среди мусульман, найти легко. Дело в том, что они не могут совместить нынешнее состояние упадка и истинный характер Ислама в том виде, как он отражен в Сунне нашего Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. Вместо того, чтобы задуматься о своих собственных недостатках и несовершенстве окружающего мира, эти псевдокритики хадисов стараются проигнорировать Сунну, потому что тогда они могут интерпретировать коранические тексты так, как им хочется, каждый в своих интересах, тем самым лишая Ислам его исключительной роли кодекса жизни во всех ее аспектах.

Сейчас, когда влияние Западной цивилизации становится все более и более ощутимым в мусульманских странах, появляется еще один повод для негативного отношения так называемой «мусульманской интеллигенции» к Сунне. Невозможно жить по Сунне Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и одновременно придерживаться западного образа жизни. Тем не менее, многие мусульмане нынешнего поколения боготворят Западную цивилизацию только потому, что она не похожа на нашу, потому что она сильна и материально благополучна. «Вестернизация» – самая серьезная причина такой непопулярности Преданий о жизни Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, а вместе с ними и всей

Сунны, в наши дни. Сунна так явно не приемлет фундаментальные идеи, которые лежат в основе Западной цивилизации, что те, кто очарован последней, не видят иного выхода, как называть Сунну несущественным компонентом Ислама, поскольку она «опирается на недостоверные Предания». Тогда им становится легче так исказить учение Корана, чтобы могло показаться, что оно вполне совместимо с западными идеалами.

Помимо формальной, если можно так сказать, «легализации» Сунны посредством установления ее исторической достоверности, не менее важен вопрос оправданности ее существования. Почему соблюдение Сунны совершенно необходимо для жизни по Исламу? Неужели нет иного пути практиковать Ислам, нежели, соблюдая огромное количество обрядов и обычаев, подчиняясь приказам и запретам, извлеченным из жизненного примера Пророка? Без сомнения, он был величайшим человеком; но не является ли обязанность подражать его жизни во всех ее аспектах нарушением свободы человеческой личности? Противники Ислама уже давно твердят, что обязанность во всем следовать Сунне стала одной из главных причин последующего упадка Исламского мира. На протяжении долгого времени она ограничивала свободу воли человека и естественное развитие общества. Будущее Ислама зависит от того, сможем ли мы дать ответ на подобные провокации или нет. Наше отношение к Сунне определит в будущем судьбу Ислама.

Мы гордимся тем, что Ислам как религия не является мистическим учением и всегда готов подвергнуть себя критическому анализу, основанному на законах логики. Отсюда следует, что у нас есть право не только знать, что мы обязаны соблюдать Сунну, но и понимать, зачем это нужно.

Ислам стремится к унификации всех аспектов жизнедеятельности человека. Религия как средство для достижения этой цели, представляет собой набор необходимых и достаточных правил. Никакой эклектики здесь

быть не может. Как скоро некое предписание обнаруживается в Коране или словах Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, мы должны безоговорочно принять его; иначе оно утрачивает всякую ценность. Те, кто полагают, что Ислам, будучи логичной религией, оставляет людям свободу выбора между теми или иными своими предписаниями, совершают принципиальную ошибку, путая «логичность» с «целесообразностью». Философы во все времена признавали, что это две разные вещи. Функция логики – контролировать религиозное учение, оценивать, способен ли человек понять все его предписания, не прибегая к ложным ходам. В этом отношении к Исламу не может быть никаких претензий. Правда, это не означает, что всякий, кто сталкивается с Кораном, тут же начинает *выполнять* его предписания. Все зависит от характера человека, его окружения и не в последнюю очередь уровня его духовности. Однако никто не посмеет утверждать, что в Коране есть вещи, *противоречащие* логике. Есть концепты, которые мы на данный момент не способны понять, но ничего, что было бы недоступно человеческому интеллекту в принципе.

Таким образом, роль логики в религиозных вопросах – это роль контролирующего аппарата, который выдает ответ, логично что-то или нет. С оценкой «целесообразности» дело обстоит несколько иначе. Это не столько беспристрастный контроль, сколько крайне субъективное мнение, зависящее от личности конкретного человека. Логика имеет свои границы, а «целесообразным» мы наивно хотим полагать весь мир, разгадать все его загадки. В этом случае практически не допускается возможности того, чтобы человек мог чего-то не понимать в том, что касается религии, ни до определенного момента, ни в принципе. В то же время довольно нелогично такая возможность признается в отношении науки, что ставит под сомнение само понятие «целесообразности».

Подмена понятий – это одна из причин того, почему современные мусульмане так часто отказываются идти за

Пророком, да благословит его Аллах и приветствует. Сегодня не требуется никакого Канта, чтобы доказать, что возможности человеческого разума ограничены. Наш разум по своей природе не способен понять *целое*, он выхватывает всегда только детали. Мы не знаем, что такое неопределенность и вечность; мы даже не знаем, что такое жизнь. Сталкиваясь с религией, основанной на понятиях, превосходящих наше понимание, мы, следовательно, нуждаемся в проводнике, чей разум обладал бы способностями большими, нежели логика обычного человека и его субъективное понятие о целесообразности. Мы нуждаемся в человеке, вдохновленном свыше, одним словом, в Пророке, да благословит его Аллах и приветствует. Если мы верим, что Коран – это Слова Аллаха и что Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует – Посланник Аллаха, то мы обязаны не только поступать, как он, но и мыслить, как он. Это не означает, что мы *не должны* думать самостоятельно. Напротив, мы должны прилагать все возможные усилия, чтобы постичь истинную цель, которая стоит за предписаниями, ниспосланными нам через него. Но даже если нам не удастся это сделать, в любом случае мы должны повиноваться приказу. Представьте себе солдата, которому генерал приказал занять определенную стратегическую позицию. Хороший солдат выполнит приказ незамедлительно. Если, выполняя его, он будет понимать стратегический замысел генерала, то тем лучше для него и его карьеры, но даже если цель приказа и не прояснитс на л я сразу, он все равно не имеет права не исполнить его или промедлить.

Мы, мусульмане, полагаемся на своего Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, как учшее руководство, которое когда-либо знало человечество. Мы верим, что он сведущ в духовной и практической сторонах религии гораздо больше, чем любой из нас. За его указаниями нам, что делать и чего не делать, всегда стоит определенная «стратегическая» цель, достижение которой необходимо для духовного и материального благопол-

чия человека. Иногда эта цель очевидна, а иногда скрыта от неискушенных обывательских глаз. Порой нам удается проникнуть в самую глубину замысла Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, а иногда увидеть только причину, лежащую на поверхности. В любом случае мы обязаны следовать его указаниям при условии, что их достоверность и контекст, в котором они были даны, полностью установлены.[12] Все остальное неважно. Разумеется, есть указания более важные и менее важные, и мы должны отдавать первым предпочтение над вторыми. Однако совсем пренебрегать какими-либо из них, кажущимися нам «несущественными», мы не имеем права, потому что в Коране сказано:

﴿*И говорит он не по пристрастию*﴾ (Сура 53:3). Иными словами, Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, говорит только тогда, когда в этом есть объективная необходимость, и делает это по внушению Аллаха. Следовательно, если мы хотим быть настоящими мусульманами, мы обязаны следовать Сунне Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, *и* в мыслях, *и* в действиях. Учение Ислама для нас – это не один из множества путей, но *единственный* путь, а человек, который принес нам это учение – это не просто один из многих пророков, но *единственный* пророк. Исполнять все его указания – значит быть мусульманином; отказываться от Сунны – значит отказаться от Ислама.

---

[12] В этой связи я отсылаю читателя к примечанию 11 выше. Вдобавок к тому, что было сказано в этом примечании, напомню, что многие хадисы, даже среди самых достоверных, дошли до нас в виде фрагментов без достаточно ясного контекста. В таких случаях только самые дотошные исследователи могут реконструировать обстоятельства, о которых в них говорится и таким образом установить истинный характер соответствующего указания Посланника Аллаха.

Заключение

Итак, я попытался показать, что истинному Исламу не выгодна ассимиляция с Западной цивилизацией. С другой стороны, Мусульманский мир сегодня так ослабел, что не может оказать достойного сопротивления. Проявления его культурной специфики свелись к минимуму под гнетом западной идеологии. И он, кажется, смирился с этим, а для нации и культуры это равнозначно смерти.

Что же случилось с Исламом? Действительно ли он «растратил весь свой потенциал», как уверяют нас наши противники, в том числе и среди самих мусульман? Отжил ли он свой век, дав миру все, что должен был дать?

История учит нас, что все культуры и цивилизации являются цельными организмами и похожи на живые существа. Они проходят все фазы, которые должна пройти органическая жизнь: они рождаются, переживают пору юности, зрелости и, наконец, стареют. Подобно увядающим растениям, культуры умирают каждая в свое время и оставляют место для только что зародившихся культур.

На первый взгляд может показаться, что так происходит и с Исламом? Исламская культура, действительно, пережила подъем на заре своей молодости. Она вдохновляла людей на поступки и жертвы, изменила судьбы наций и внесла свои коррективы на карту мира. Затем она остановилась в своем развитии, впала в стагнацию, постепенно превратилась в пустое слово, и в настоящий момент мы наблюдаем ее полное разложение и упадок. Однако, конец ли это?

Если согласиться с тем, что Ислам – это не просто культура в ряду прочих культур, не просто результат деятельности человеческого разума и духа, но фактор, формирующий особую культуру, и Закон, которому Всемогущий приказал людям подчиняться всегда и везде, то

картина полностью меняется. Исламская культура, сформировавшаяся в результате исполнения нами Предписаний свыше, не может быть ограничена во времени, подобно прочим культурам. То, что представляется нам упадком Ислама, на самом деле ни что иное, как смерть и опустошение наших собственных душ, которые слишком ленивы и бесчувственны, чтобы услышать обращенный к ним призыв. В наше время нет никаких видимых признаков того, что человечество переросло Ислам. Оно не изобрело лучшего кодекса нравственности, нежели тот, что проповедует Ислам. Оно не смогло реализовать на практике идею всеобщего братства, как это сделал Ислам, объединив людей всех национальностей в понятие *уммы.* Не было другого такого социального образования, в котором конфликты и трения между его членами были бы сведены к минимуму, как это было в мусульманской общине. Человечество так и не смогло обеспечить чувство защищенности, надежды и, в конце концов, счастья каждого своего представителя.

Во всех этих вопросах нынешние достижения человеческой расы представляются просто ничтожными по сравнению с тем, чего планирует добиться Ислам. Так почему же мы говорим, что «его время прошло»? Только потому, что в его основе лежит религия, а религиозность нынче не в моде? Но если мы видим, что этот религиозный по своей сути способ мышления предложил практическую программу, более полную, более четкую и более соответствующую психологии человека, нежели все достижения человеческого разума, не является ли это весомым аргументом в пользу религиозного мировоззрения?

Позитивные достижения человечества полностью реабилитируют Ислам в наших глазах, потому что он указывал на них и призывал стремиться к ним еще задолго до того, как они были реализованы. Точно так же его реабилитируют недостатки, ошибки и проблемы, с которыми человечество столкнулось в процессе своего развития, потому что он открыто и громко предупреждал о

них задолго до того, как они были осознаны нами как ошибки. Помимо религиозных убеждений, сама логика требует, чтобы мы доверились руководству Ислама.

Если мы посмотрим на нашу культуру и цивилизацию с этой стороны, мы неизбежно придем к выводу, что возрождение возможно. При этом вовсе не требуется «реформировать» Ислам, как думают некоторые мусульмане, потому что сам по себе он совершенен. Что нам следует изменить, так это наше отношение к религии, побороть лень, гордыню, невежественность – короче говоря, *наши* недостатки, а вовсе не воображаемые недостатки Ислама. Чтобы воплотить исламское возрождение в жизнь, нам требуются не чужие, заимствованные технологии, но свои собственные, только давно забытые. Разумеется, это не исключает заимствований из других культур, но нельзя полностью заменять совершенную организацию Ислама чем-то иным, не важно, придет ли оно с Запада или с Востока. Ислам как духовный и социальный институт не нуждается в «улучшении». Любое изменение в его внутреннем содержании или внешних проявлениях, вызванное вторжением чужеродного культурного элемента, будет иметь разрушительную силу, о чем мы впоследствии пожалеем. Перемены должны быть, но перемены *внутри нас* по направлению к Исламу, а не от него.

И вместе с тем не стоит обманывать себя. Мы знаем, что наш мир, мир Ислама, почти утратил свою значимость как культурный фактор. О политическом аспекте мусульманского упадка я здесь не говорю. На мой взгляд, самое важное происходит сейчас в интеллектуальной и социальной сферах, а именно, утрата веры и способности к созиданию, а также раскол в обществе. Состояние культурного и социального хаоса, которое мы сейчас переживаем, очевидным образом показывает, что силы, которые однажды привели Исламский мир на вершину успеха, практически иссякли. Мы плывем по течению, и никто не знает, куда оно приведет. Нет смелых идей, нет воли к сопротивлению и противостоянию потокам ино-

странного влияния, разрушающим нашу религию и наше общество. Мы пренебрегли лучшим нравственным учением, которое когда-либо знало человечество. Мы предали нашу веру, в то время как для наших далеких предков она была жизненной необходимостью; мы стыдимся того, чем они гордились; мы скупы и эгоистичны, а они щедро раскрывали свои объятия миру; мы духовно бедны, а они были богаты.

Подобные жалобы хорошо знакомы каждому думающему мусульманину. Все слышали их многократно. Стоит ли повторять их еще раз? Я думаю, что стоит. Потому что у нас нет иного пути избавиться от нашего позора, кроме как признать его, держать перед глазами денно и нощно и ощущать его горечь, пока мы не решимся, наконец, устранить его причины. Бесполезно утаивать от себя жестокую правду и делать вид, что активность Исламского мира якобы растет, что его миссии работают на четырех континентах, что западные люди все больше преклоняются перед красотой Ислама... Бесполезно питаться подобными иллюзиями и любыми средствами убеждать себя, что мы не унижены до предела. Потому что это так.

Но означает ли это конец всему?

Этого не может быть. Наша жажда обновления, стремление многих из нас стать лучше, чем мы есть сейчас, дают нам право надеяться, что не все еще потеряно. *Есть* путь для обновления, и каждый, у кого есть глаза, может его увидеть.

Первым шагом на этом пути должно стать преодоление чувства «стыда» за Ислам, потому что, испытывая его, мы признаем свое интеллектуальное поражение. Под маской стыда мы скрываем собственный скептицизм. Следующим этапом должно стать сознательное и обдуманное следование Сунне нашего Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, поскольку Сунна – это ни что иное, как образец применения на практике учения Ислама. Пользуясь им как высшим тестом в нашей повсе-

дневной жизни, мы с легкостью отличим те компоненты Западной цивилизации, которые можно заимствовать, от тех, которые следует отвергнуть. Вместо того чтобы покорно подчинять Ислам чуждому ему способу мышления, мы должны, наоборот, возродить исламское мировоззрение и через него судить о мире.

Нужно сказать, что многое из того, что было заложено в Исламе с самого начала, впоследствии было искажено, благодаря неправильному, но, тем не менее, общепринятому толкованию. Таким образом, те мусульмане, которые пытаются сами разобраться в первоисточниках и скорректировать с их помощью свои представления, получают частично искаженную картину Ислама и всего, что с ним связано. Невероятные положения, которые религиозные деятели, называющие себя «ортодоксами», выдвигают сейчас в качестве постулатов Ислама, в большинстве своем не более чем своеобразные толкования исконных постулатов с применением неоплатонической логики. Их можно было бы назвать «современными», то есть актуальными, во втором-третьем веках Хиджры, но они абсолютно неприемлемы сейчас. Мусульманин, получивший западное образование, как правило, не знающий арабского языка и не разбирающийся во всех тонкостях исламской юриспруденции (*фикха*), естественно, склонен полагать, что в этих надуманных, субъективных толкованиях и содержатся истинные намерения Творца. Увидев затем, что они несовместимы с реальностью, и разочаровавшись в них, он перестает верить и в *шариат* как Каноническое Мусульманское Законодательство.

Таким образом, стремясь возродить Ислам как движущую силу мусульманского общества, мы должны пересмотреть его постулаты в свете нашего *собственного* понимания первоисточников и освободить их от толстого налета позднейших толкований, который скопился за многие века и представляется сейчас абсолютно ненужным. В результате мы получим новый *фикх*, находящийся

в полном соответствии с Двумя Источниками Ислама – Кораном и жизнеописанием Пророка, и в то же время отвечающий потребностям сегодняшней жизни, точно так же как старые варианты *фикха* отвечали требованиям периода доминирования аристотелевской и неоплатонической философии, и условиям жизни, существовавшим в те далекие времена.

Мы можем рассчитывать на прогресс только тогда, когда вернем уважение к себе. Нам никогда не достичь своей цели, если мы разрушим собственные социальные институты и будем подражать чуждой цивилизации, чуждой не только в историческом и географическом смысле, но чуждой по духу. Единственно правильный путь указывают нам слова Священного Корана:

﴾*Был для вас в посланнике Аллаха хороший пример тем, кто надеется на Аллаха и последний день*﴿ (Сура 33:21).

Содержание